

Владимир Сержин

СЫЩИК ДЛЯ ФЕУ

Сыщик для феи

Владимир Свержин

Сыщик для феи

«Владимир Свержин»

2003

Свержин В.

Сыщик для феи / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2003 — (Сыщик для феи)

Частный детектив из маленького провинциального городка готов ко всему уже по роду профессии. Однако расследовать преступления, совершенные в королевстве фей, – это, пожалуй, слишком даже для него! Впрочем... на первый взгляд дело о драконе, похитившем принцессу фей в день свадьбы, кажется довольно примитивным – и к тому же хорошо оплачиваемым! Почему бы и не попробовать?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	54
Глава 7	63
Глава 8	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пролог

Сказ о том, как Виктор Клинский дошел до жизни такой, что ему начали являться феи

Пауза затягивалась, как удавка на шее приговоренного. Сравнение противное, но верное. Мой собеседник глядел со смешанным чувством удивления и жалости, силясь найти слова, чтобы образумить великовозрастное дитя.

– Клин, ты рехнулся! – наконец произнес он.

Должно быть, это была историческая фраза, но в тот момент я еще об этом не подозревал.

– Я тебя слушал, теперь ты меня послушай, – не давая вставить слово, продолжил визави, делая отметающий жест рукой, чтобы заранее пресечь попытки дополнительной аргументации моей бредовой затеи. – Витек, ты у нас сказочный персонаж, в природе не встречающийся, – честный мент из столицы. Если хочешь, я посажу тебя в офисе и буду водить экскурсии посмотреть на эдакое чудо. Немалые бабки заколотим, между прочим!

– Бывший мент, – поправил я.

Что и говорить, мне, пусть и отставному офицеру угрозыска, не к лицу было соглашаться со столь легковесным обвинением в массовой продажности родной милиции, но моему старому другу Олегу Ратникову на это было наплевать. Это был его, предпринимателя, личный взгляд по ту сторону стола. Не бизнесмена, а именно предпринимателя.

Когда-то, на старте всеобщей погони за быстрыми деньгами, он сколотил первую трудовую тысячу «рэ», введя в тихом Кроменце моду на экзотических животных. Полгорода сбегалось посмотреть, как коренастый крепыш, бывший борец-вольник, выгуливает по бульвару на изящном поводке пятнистую крыску. Отбоя от покупателей в его зоомагазине не было.

Сейчас Олег торговал автомобилями. И основными достопримечательностями нашего древнего города теперь являлись: старая крепость, хранившая в памяти десятки штурмов, и вход в его фирму, над которым в качестве козырька элегантно красовалась передняя половина самого настоящего «мерседеса». К кому же, как не к нему идти за помощью в обуявшей меня страсти к частному сыску? Тем более что выросли мы в одной коммуналке и знали друг друга с горшечного возраста.

– Скажи, кого ты собираешься ловить в нашем богоспасаемом городе? Твои коллеги здесь изнывают от безделья и в конце квартала заставляют местных алкашей таскать у торговцев на базаре всякую мелочь, чтобы, тут же поймав их, оправдать собственное наличие. Я что же, для тебя буду мафиози из столицы экспортировать, или как?

– Ты не прав, – стоически оборонялся я. – Здесь тоже живут люди, и они несовершенны. И для многих из них важен результат дела, а не его законодательная база. Многие из них доверят частному детективу то, что никогда не расскажут сотруднику милиции. Я на практике неоднократно сталкивался с этим.

– Ну-ну, – хмыкнул Олег недоверчиво. – Короче, так, сумма, о которой ты просишь, это фуфло. Но тут уж, как говорится, на спор. Я утверждаю, что дело прогорит. Поверь моему коммерческому чутью.

– Не прогорит, – упрямо набычился я.

– Ну, вот и славно. Значит, так: завтра у тебя на руках будут готовые документы на детективное агентство. Мы с тобой являемся соучредителями и совладельцами. Три месяца я вкладываюсь в твой проект. Если по истечении срока мы видим, что дело идет, – твоя взяла. Ты ничего не должен, работай, как знаешь. Если же я прав, твое агентство преобразуется в службу безопасности моей фирмы.

– Зачем тебе служба безопасности? – профессионально насторожился я.

– О! Я вижу, ощущение реальности все еще где-то рядом с твоими мозгами.

– Не надо передергивать! – возмутился я. – Тебе что-то угрожает?

– Конечно! Немощная старость лет через пятьдесят. Ладно, одно дополнительное условие: офис сделаешь в нашей квартире, моя комната в твоём распоряжении. А заодно и Ксюшу к делу пристроишь, а то она своего красавца выгнала, теперь сидит дома, какие-то авторучки собирает. Будет у тебя по телефону от клиентов отбиваться, кофе приносить в перерыве между перестрелками, на компьютере в приемной играть, видимость работы создавать, чтоб было за что ей деньги платить. А то ведь она девушка гордая, просто так бабки не берет, а пристроить мне ее некуда. Ну что, по рукам?

– По рукам, – обреченно кивнул я, понимая, что иных вариантов мне не найти.

Увы, с момента этого рукобития прошло три месяца. Точнее, три месяца без одного дня. И пока что деловое чутье не обманывало Олега. Сначала, правда, в «офис» заходили любопытствующие, привлеченные развешенными по городу рекламными листовками: «У вас проблемы? Решайте их с Клинским!» Однако, выяснив, что одноименного пива в агентстве не наливают, любопытствующие быстро оставили бывшую коммуналку на третьем этаже в покое, давая моей секретарше возможность беспрепятственно расставлять шарики на компьютере. А ее малолетней дочери Дашке разъезжать по длинному коридору на новеньком трехколесном велосипеде. Скрепя сердце приходилось признать, что прибыли от нашего предприятия хватило лишь на то, чтобы оплатить счета за электричество и телефон. Я уж было собрался звонить Олегу с сообщением, что выкидываю белый флаг и с завтрашнего дня готов приступить к новым должностным обязанностям, когда в дверь, постучав, вошла явно чем-то удивленная Ксюша.

– Прости, шеф, – обескураженно произнесла она, – ты не слишком занят? Тут к тебе клиентка.

– Клиентка?! – переспросил я со смешанным чувством радости и недоумения. – Зови, я через секунду освобожусь!

Секретарша исчезла за дверью, а я отпер несгораемый шкаф, чтобы убрать в него квитанции об оплате за электричество. Больше хранить в нем было нечего. В таком виде и застала меня неожиданная, вернее, долгожданная, посетительница, приятная дама лет от шестидесяти.

– Добрый день. – Я почтительно склонил голову, демонстративно запирая металлический ящик четырьмя оборотами ключа. – Я Виктор Клинский, частный детектив. Чем могу быть полезен?

– Ах! – печально вздохнула клиентка, вынимая из сумочки кружевной платочек и прикладывая его к глазам. – Такое несчастье!

– Да вы присаживайтесь. – Я поспешил к посетительнице, чтоб проводить ее к кожаному креслу, стоявшему около стола. – Я весь внимание, сударыня. Что вас привело сюда?

– Это... Это такой кошмар... не знаю, с чего начать? Видите ли, Виктор, – комкая платочек в длинных тонких пальцах, произнесла дама, – у меня внучка пропала.

– Пропала внучка? – недоверчиво переспросил я. – Ваша внучка? У нас, в Кроменце?

– Да, – кивнула безутешная бабушка, всхлипывая.

– Сколько ж ей лет?

– М-м... примерно двадцать два года, – чуть замешкавшись, проговорила собеседница.

– Может быть, она просто куда-нибудь уехала? Скажем, с приятелем.

– Нет. – Дама отрешенно покачала головой. – Девочка здесь никого не знала. Да и вообще, приехала в Кроменец лишь за тем, чтобы купить для меня тихий домик.

– Откуда приехала? – словно невзначай уточнил я.

– Из столицы.

– Угу. Хорошо, продолжайте.

– Она приехала сюда неделю назад, – со слезой в голосе заговорила клиентка. – Нашла подходящий домик, оформила документы и дала телеграмму, что ждет меня. А на вокзале... – Дама еще раз всхлипнула и не в силах больше сдерживаться зарыдала в голос.

Впрочем, дело прорисовывалось более или менее четко. Молодая девушка приехала в город, не имея в нем ни родных, ни знакомых, с крупной суммой денег. И исчезла. Одна странность: по логике преступления она должна была пропасть до того, как оплатила покупку дома. А из показаний заявительницы выходит, что документы уже оформлены и деньги уплачены. Стало быть, этот мотив преступления весьма под вопросом. Кто там знает, какая сумма была у нее изначально? Я нажал кнопку на пульте, вызывая секретаршу. Должно быть, она подслушивала за дверью, заинтригованная нашим первым серьезным клиентом, поскольку появилась, едва лишь прозвучал сигнал.

– Ксюшенька, пожалуйста, стакан воды, – скомандовал я.

– Сию секунду, шеф!

Вода пришлась весьма кстати. Посетительница пила большими глотками, стараясь заглушить клокотавшие в груди судорожные рыдания.

– Спа... спасибо, – благодарно произнесла она, справляясь с захлестнувшими ее эмоциями. – Сейчас-сейчас, я возьму себя в руки.

– У вас есть фотография внучки? – задал я традиционный при ведении подобных дел вопрос.

– Да, – кивнула моя собеседница, чуть успокаиваясь. – Совсем недавняя. Она фотографировалась уже здесь. – Пожилая леди порылась в ридикюле и положила на стол обычный в наших краях снимок миловидной русоволосой девушки, наружности более чем тривиальной, как говорится, одна из многих.

За спиной улыбающейся девицы высились стены Кромenceцкого замка, так, словно внучка моей нынешней клиентки присмотрела для любимой бабушки именно этот, утопающий в садах, домик. Такие фото на память о посещении исторической достопримечательности делал наш местный фотохудожник Володя. Я еще раз посмотрел на простодушное лицо на глянцевой бумаге и перевел взгляд на безутешную родственницу пропавшей.

«Странно, – мелькнула у меня в голове мысль, – бабушка выглядит куда как аристократичнее внучки. Одежда на ней дорогая, подобрана со вкусом, и украшения цены немалой. Интересно, камешки настоящие или высококачественные стразы? И прическа волосок к волоску.

Странно! Что же это выходит, столичный экспресс прибывает в Кромenceц без четверти шесть утра. Внучка бабушку не встретила, но та, возможно, из телеграммы зная адрес, на такси благополучно добралась до места. Каким-то загадочным образом попала в дом. Ну, предположим, у них с внучкой оговорен способ резервного хранения ключей, хотя этот вопрос надо уточнить. Но дальше, не обнаружив родимой кровиночки, мадам шурует в салон красоты, наводит парадный блеск, точно собирается на прием к английской королеве, и является не к ней, а ко мне. А логичнее было бы в милицию. Что-то здесь не так, что-то не сходится!»

Я посмотрел на часы. Езды от вокзала в любой конец города не больше пятнадцати минут. Со всеми ожиданиями и причитаниями, к семи утра моя клиентка должна была быть в доме. Сейчас полдень. Интересно, где ее носило четыре часа? Может, сознание потеряла? Но вальерьянкой от нее не пахнет, а пахнет дорогими духами, кажется, со смешным названием «Трезор». Действительно, что ли, в салон красоты ходила? Внучку там надеялась найти? Странно. Весьма странно. Ладно, по ходу дела выясним.

Заказчица продолжала утирать глаза платком, но, похоже, уже держала себя в руках.

– Пожалуй, агентство возьмется за это дело, – обнадежил я посетительницу, пододвигая к себе чистый лист бумаги. – Будьте любезны, паспортные данные вашей родственницы.

– Что? – словно выходя из оцепенения, переспросила она.

– Ну, имя, фамилия, отчество вашей внучки. Дата и место рождения.

Она начала диктовать, а я усердно записывать показания с ее слов.

– Кстати, прошу прощения, – перебила она сама себя, – кажется, я забыла представиться. Сами понимаете, – дама передернула идеальными даже для более юной особы плечиками, – такое горе! Меня зовут Аделаида Иларьевна.

«Да уж точно не Глафира», – усмехнулся про себя я, но лишь молча кивнул, завершая свою писанину. Затем проговорил, поставив точку:

– Аделаида Иларьевна, вы не будете возражать, если я заеду к вам осмотреть дом?

– Конечно, о чем речь! – немедленно согласилась она.

– И последнее. Мои расценки...

– Ерунда. – Мадам достала из сумочки запечатанную пачку сотенных купюр. – Это на текущие расходы. Если потребуется еще, только скажите.

Я растерянно кивнул.

– Я буду ждать вас у себя дома, Виктор. Улица Маршала Черняховского, дом семь. Удачи вам, юноша. Очень на вас надеюсь.

Я сидел, недоуменно глядя то на пачку банкнот, то на удаляющуюся Аделаиду Иларьевну. Из ступора меня вывел звук защелкивающегося замка входной двери.

– Господи! – Я хлопнул себя по лбу. – А договор! Договор же она не подписала!

Я быстро открыл ящик и, выхватив девственно чистый бланк, хлопнул по нему печатью. Вперед, сыщик! Клиент уходит!

Три этажа, шесть пролетов. Дверь подъезда уже маячила передо мной, когда на улице взревел двигатель, потревоженный ключом в замке зажигания. Вылетев во двор, я замахал руками, желая остановить убитую горем заявительницу, и обмер. Черный, воронова крыла «феррари», стартовав с места, скрылся за углом быстрее, чем удалось бы прокричать «А...» в заготовленной фразе: «Аделаида Иларьевна, вы забыли...»

Пожилая леди в «феррари» само по себе дело необычное, а уж «феррари» на направлениях, заменяющих нам дороги, – и вовсе небывалое. Не зная, что и подумать, я поднялся в «офис» и, открыв дверь, столкнулся с четырехлетней Дашкой, ясноглазой дочерью Ксюши. Руки ее были заняты охалкой Барби, Кенов и прочих пластмассовых дистрофиков, облаченных в шитые мамой наряды.

– А что, тетя фея уже ушла? – глядя на меня с укором, спросила пигалица.

– Дашка, не отвлекай дядю Витю своими глупостями! Иди лучше доедать кашу! – раздалось из кухни.

«Что-то здесь не так», – в который раз за последний час повторил я, входя в кабинет.

Глава 1

Сказ о том, что, ища истину, не след забывать о стакане

Лист с паспортными данными пропавшей без вести внучки сменился новым, авторучка с тихим щелчком явила почерневшее острие в ожидании стремительного проникновения мысли хозяина в самую глубь мрачной тайны. Первое самостоятельное дело в роли частного детектива было не просто запутано, а запутано намеренно. И что самое интересное, похоже, именно той, кому так настоятельно требовалась моя помощь. Впрочем, может быть, из-за полного отсутствия подозреваемых я попросту возвожу напраслину на несчастную родственницу пропавшей. Но бабуля на «феррари»?.. Нетипично, конечно, но, с другой стороны, машина явно внучкина, а внучка, как мы помним, из столицы. Причем наверняка вращается в серьезных кругах. Не в лотерею же она такую машину выиграла!

Первая строчка черных букв легла на заждавшийся лист. Уточнить круг общения, отработать записную книжку (если есть), пробить через столичных друзей установочные данные. Дальше: выяснить, с кем общалась пропавшая здесь, в Кроменце, за неделю пребывания.

Я посмотрел на фотографию, оставленную Аделаидой Иларьевной. У объекта поисков лицо овальное, волосы русые до плеч, впереди челка, нос прямой, чуть вздернутый, щеки полноваты, глаза серые или голубые, на снимке непонятно, губы в улыбке... губы обычные. Судя по характерной складке, скорее всего девушка часто улыбается. Подбородок, пожалуй, безвольный, хотя, может, это только кажется. Вряд ли такая девушка склонна к отрешенному уединению в четырех стенах. Лето на дворе, туристический сезон в разгаре, в крепости статные добры молодцы из местного военно-исторического клуба в доспехах да при мечях фотографируются в элегантных позах за умеренную плату. По вечерам танцы-мансы, летние кафе источают ароматы жарящихся шашлыков и экзотической шаурмы. Наверняка желающие поближе познакомиться с хозяйкой этакой железной колесницы должны были отыскаться. Надо проверить, глядишь, какая ниточка и потянется.

С чего начать? Ну, это даже не вопрос! Где может остановиться человек, приехавший в наш тихий городок на собственном «феррари», тем более если этот человек молодая девушка, а не браток со стволом под мышкой. Конечно же, в гостинице! Родных-знакомых, как утверждает ближайшая родственница, у девицы здесь нет, а оставлять эдакую роскошную тачку на стоянке у ворот одного из местных пансионатов – дело более чем рискованное. Да и вряд ли станет девушка на «феррари» жить в четырехкочной конурке с туалетом в конце коридора. Значит, в первую очередь надо отработать по гостиницам. Их у нас три. «Дом колхозника», что возле рынка, отпадает. От него даже непривычные к роскоши селяне нос воротят – барак бараком.

Гостиницу, носящую гордое имя «Сокол», проверить, конечно же, можно, но, насколько я знаю, номера в ней расхvatаны под офисы. Остается «Старая башня» – бывший «Интурист». К очередной годовщине города ее привели в божеский вид и осыпаться она еще не начала. Так что если мадемуазель действительно останавливалась в гостинице, то вероятнее всего, именно в ней. С этим более или менее ясно. Что еще?

Нотариус. Если документы оформлялись, значит, где-то они зарегистрированы. Придется отвлечь Ксюшу от домашних забот и компьютерных игр, пусть сядет на телефон – обзвонит оба местных агентства недвижимости и выяснит, кто регистрировал сделку. Остальное моя забота.

Что ж, для начала работы хватит. Побегать, конечно, придется. Но... Я посмотрел на запечатанную банковскую упаковку сотенных. Тут хоть знаешь, за что ноги топчешь. Впрочем... Я заговорщицки улыбнулся своему отражению в висевшем на двери зеркале, позволя-

ющему обозреть не сходя с места и спину посетителя, и, отчасти, происходящее за окном. Чего, собственно говоря, стирать подметки, когда можно звякнуть компаньону и попросить оперативные колеса, благо у него их немерено. А заодно и ненавязчиво намекнуть, что моя переквалификация в сторожа откладывается на неопределенное время.

Через пять секунд в трубке уже слышался знакомый баритон Олега.

– Алло, как дела? – радостно осведомился он. – На работе небось не продохнуть? Нива частного сыска обильно плодоносит? – с нескрываемой ехидцей поинтересовался он.

– Да тут дельце одно нарисовалось, – лениво начал я, – нужна кое-какая помощь.

– Давай попробую угадать, – все на той же ноте продолжил Ратников. – Пропала собака по кличке Дружок. Щенок белоснежный. Лишь рыжие пятна и какой-то там хвост. Нет проблем, иди в мой зоомагазин, я распоряжусь, тебе выдадут мешок «Педигри». На запах к тебе сбегутся собаки со всей округи. Нужный экземпляр вернешь счастливой хозяйке.

– Не совсем в точку, но, как говаривал Глеб Жеглов, поиск ведешь в верном направлении. Пропала девушка.

– Да-а! И кто же у нас безутешный Ромео? Я его знаю? – продолжал куражиться компаньон.

– Насчет Ромео как раз проблемы. Я бы и сам хотел узнать, есть он в наших краях или нет.

– Холмс, вы говорите загадками!

– Девушка приезжая. Может, ты видел ее транспортное средство – черный «феррари»?

– Хозяйка «феррари»? Ну ни хрена себе! – Тон моего собеседника изменился на потрясенно-изумленный.

– Ты ее видел? – не замедлил спросить я.

– Конечно! Такая тачка в нашей провинции! Конечно, видел, – возмутился главный автовладелец Кромента.

– Я не о машине. Я о хозяйке, – перебил я.

– И ее пару раз мельком наблюдал. Машина-то на парковке у «Старой башни» стояла. Подруга, я тебе скажу, под стать машине, все при ней! – Олег даже причмокнул от избытка чувств.

– Да? А по фотографии не скажешь, – разочарованно протянул я.

– Ну, на вас, столичных светских тигров, не угодишь! А как по мне, так самое то. Ладно, а от меня тебе чего надо-то, компаньон? – перешел к делу Ратников.

– Пристойные колеса. По городу надо помотаться, а потом заехать в гости к ближайшей родственнице пропавшей. А это, я тебе скажу, столичная штучка, не надо баловаться! Слово «порода» у нее золотыми церковнославянскими буквами через весь лоб написано. Сам понимаешь, идти к такой пешком как-то не солидно.

– Фигня делов! Не упадем мордой в грязь родных тротуаров! Рули в «Башню», я туда «ниссан-патруль» подгоню. Да, кстати, стрем предполагается?

– Вряд ли, но тут уж как карта ляжет, – пожал плечами я. Впрочем, мой собеседник не имел возможности наблюдать этот незамысловатый жест.

– Ну, если «вряд ли», – Олег сделал паузу, – значит, я тебе, пожалуй, Вадюню в качестве личного шофера отряжу. Он все равно без дела мается.

Вадим Ратников, квадратный, как и все мужчины в этой большой семье, недавно вернулся из вооруженных изо всех сил рядов и теперь перегонял подержанные иномарки для фирмы брата. Не так давно, посреди Польши, его «фольксваген» тормознула шайка гонимых шляхтичей с явными «дружелюбными» намерениями освободить Вадима от изнурительной работы перегонщика. Воспитанный в духе братской любви и дружбы, царивших в соцлагере, Вадюня позвонил в полицию из ближайшего населенного пункта и в меру сил объяснил, где оставил изувеченные тела самозванных регулировщиков дорожного движения. С тех пор на

автобанах бывшей Речи Посполитой ему встречались исключительно гостеприимные улыбчивые аборигены.

Сейчас осложнений не предвиделось, но буде таковые появятся, Вадим был неоценимым подспорьем.

Лицо за окошком с надписью «Администратор» было аккуратно вписано в интерьер гостиничного холла и не вызывало желания обращаться с вопросами, как не вызывает его традиционный фикус в кадке.

– Я не уполномочена давать вам какую бы то ни было информацию, – произнесло лицо, и в глазах, как в окошечке кассы, загорелась сумма, увидав которую, я очень пожалел, что не поменял сотню по дороге в гостиницу.

– Да, конечно, – согласился я, не вступая в пререкания. – Но у меня для вас есть записка от одного очень хорошего человека. Думаю, вы его помните. – Я протянул строгой администраторше любовно сварганенное удостоверение частного детектива с вложенной купюрой.

– Так бы сразу и сказали, – заметно смягчилось лицо, открывая книжечку в кожаном переплете. – А-а... От него! – Стольник плавно спланировал в чуть приоткрытый ящик стола. На лице лица отразилось явное уважение, граничащее с гордостью. – Что ж вы молчали? Одну минуту. – Процесс просмотра книги регистрации жильцов прошел удивительно быстро. – Нет, – закончив водить пальцем по строчкам, подытожила суровая работница постоянного двора. – Такая здесь не останавливалась.

– Подождите-подождите, – затряс головой я, доставая фотографию, оставленную безутешной клиенткой. – Вот эта девушка, посмотрите внимательно, разве здесь не жила?

– Эта-а? – протянуло лицо, выдерживая паузу, точно спрашивая, не найдется ли у меня еще одной «записки». Но, так и не дождавшись, завершила фразу: – Останавливалась. Снимала трехместный номер вместе с двумя подругами.

Администратор вновь потянулась к заветной книге и, найдя нужную запись, назвала мне имена и фамилии трех девушек, ни одно из которых даже отдаленно не напоминало искомое.

– Странно. Очень странно. Вы не могли бы записать мне адреса и имена ваших постояльцев?

Моя собеседница потянулась за авторучкой.

– Вообще-то не положено...

– Ну, мадам, неужели мы не найдем с вами общий язык? – проникновенно заворковал я, врубая мужское обаяние на полную катушку.

– Ах, ладно! – Лицо улыбнулось, преображаясь в пусть не слишком симпатичную, но женщину.

Пока ручка скользила по бумаге, у меня было время хоть как-то осознать услышанное. «Вот так-так! У бабули приступ острого склероза и она забыла, как зовут родную внучку? Или же бедная девочка в спешке перепутала паспорт, а он возьми и окажись с удивительно похожей фотографией?!»

– Скажите, – как бы невзначай поинтересовался я, – может быть, кто-то из ваших сотрудников заметил, которая из этих девушек была хозяйкой черного «феррари», что стоял на прошлой неделе на парковке возле гостиницы?

От неожиданности дежурная распорядительница этажей и хозяйка коридоров чуть не выронила ручку.

– Да вы что?! Я же вам говорю, эти девушки снимали трехместный номер. А хозяйка «феррари», – в голосе моей собеседницы зашелестел китайский шелк раболепной почтительности, – занимала президентский люкс! Ее звали... – не заглядывая в книгу, с гордостью произнесла работница гостиничного сервиса.

Прозвучавшее имя говорило мне не более, чем три предыдущих. А главное, оно точно так же не напоминало имени бедной Красной Шапочки, похищенной, по словам любящей бабушки, таинственным Серым Волком. Или волками. Час от часу не легче!

– Скажите, вы своими глазами видели документы этой дамы?

– Да, конечно, – закивала администраторша, – и даже в номер ее проводила. Такая, знаете ли... красавица! Глазищи! Я подумала, наверно, фотомодель! Жгучая брюнетка...

Насколько я знаю, женщины редко признают внешнее превосходство вероятных соперниц, тем более если конкурентка лет на двадцать моложе. А уж такой восторг, присущий юному воздыхателю... Да-а! Выходит, наша-то бабуля не только в склерозе пребывает, но и с глазками у нее не все в порядке. Не ту фотографию от волнения прихватила! Очки ей надо носить толщиной с иллюминатор подводной лодки, а то, может статься, внучка вообще из дома не выходила, дрыхнет, не замеченная орлиным взором встревоженной родственницы. Очень занятное дельце вырисовывается!

Получив всю необходимую информацию и нежно распрощавшись с ответственной хранительницей «Старой башни», я вышел из гостиницы. Синий «ниссан-патруль» ждал меня у самого входа, а возле водительской дверцы, небрежно крутя на пальце ключ навороченного внедорожника, горделиво возвышался Вадюня, невзирая на свои метр восемьдесят восемь, казавшийся среднего роста из-за ширины плеч. Центнер хорошо прокачанных мускулов, отнюдь не лишенный интеллекта.

– Куда едем, Клинт? – почтительно осведомился младший из братьев Ратниковых.

Я задумчиво посмотрел на него, невольно прикидывая, что эту махину еще не так давно я, для разминки, поднимал вверх одной рукой. Что и говорить, растут дети!

– Сейчас в крепость. Надо там кое с кем пообщаться.

– Ну, типа, как скажешь, босс! – Вадюня втиснулся в салон, и мотор «ниссана» угрожающе зарычал, пугая не спрятавшихся пешеходов.

Заняв свое место, я кинул печальный взгляд на огороженную ажурным забором стоянку, где еще не так давно обитал племенной жеребец итальянских автомобильных конюшен.

– Говорят, подруга с «феррари» пропала? – мигая фарами, спросил мой сегодняшний водила.

– Возможно, – неопределенно ответил я.

– Жаль, – со вздохом произнес Вадюня, аккуратно выруливая на трассу. – Бикса – закаешься! Улет башке!

Я поморщился. Невольный перевод с молодежного сленга на привычный русский язык отвлекал от мыслей о бредовости происходящего. Неизвестная бабуля, которую по виду и бабулей-то не назовешь, приходит ко мне, обливаясь слезами, сорит деньгами и просит отыскать ненаглядную малышку, ни имя, ни внешний вид которой и близко не напоминают представленный ею же образец. Кажется, кто-то действительно хочет втянуть меня в аферу, вот только, убей бог, не могу понять в какую. Ладно, поиграем! Делать из меня идиота – занятие хлопотное.

– Жаль, номера «феррари» не знаем! – выходя из задумчивости, произнес я в пространство. – Я бы его вмиг через столичную управу пробил.

– Почему не знаем? – удивленно пожал плечами Вадим. – Я его прекрасно помню. Я типа когда тачку от фрицев гоню, автоматом десятки номеров запоминаю, чтоб, чисто, хвоста себе не отрастить. А тут такое навороченное точило!

– Вот и славно. Будем возвращаться из крепости, остановись возле почты, я в столицу позвоню.

– Ты че?! – От удивления Вадюня даже отвлекся от созерцания трассы. – А это что, в натуре, калькулятор? Какая почта! – Он ткнул толстым пальцем в закрепленный на специальной стойке мобильник. – Хоть в Австралию звони, все бесплатно. У нас эта труба по бартеру.

Я невольно вздохнул. В столице в прежние оперские времена о таком бартере можно было только мечтать.

Фотохудожник Володя, как всегда в ясные солнечные дни, охотился на расслабленных туристов в засаде у крепостных ворот. И поскольку в данный момент этих монетоносных муравьев в обозримой округе не наблюдалось, был весьма рад меня видеть.

– Ого, я вижу, ты машиной обзавелся, – почтительно покачал головой он. – Серьезная вещь! Не желаешь сфотографироваться рядом? За полцены по старой дружбе.

Это была откровенная, ничем не прикрытая лесть, призванная раздуть тщеславие потенциального клиента. Конечно же, Володя узнал, из чьей гавани эта железная джонка, тем более что Вадюню Ратникова на водительском сиденье не заметить было проблематично.

– Володя, я к тебе по делу, – обрывая дальнейшие поползновения запечатлеть мой светлый образ на «кодаке», заявил я. – Посмотри, – из кармашка моей рабочей папки появился давешний снимок, – ты эту девушку, случайно, не помнишь?

– Неужто сыскалась! – Володя выхватил карточку из моих рук.

– Кто сыскался? – настороженно начал я.

– Не кто, а что. Пачка с фотографиями! – выругавшись себе под нос, без промедления ответил фотограф. – На той неделе сфотографировал мамзельку, и как обычно: приходите завтра, все уже будет готово. Проявил, напечатал, все путем. Мамзелька приходит – снимков нет, как растворились! Пришлось за свои бабки печатать их заново и отправлять почтой в древний город Курск, где соловьи и дуга.

– Почему в Курск?

– Очевидно, потому, что она там живет, Ларин ты наш доморощенный! Она уезжала в тот день, когда пришла получать фотографии. Ну, ты же знаешь, я человек честный. Куда снимки делись, одному богу известно, но то, что их нет, – моя вина. Напечатал заново и отослал. Кстати, где этот-то нашелся?

– Володя, я разберусь, потом все тебе расскажу, – чуть запинаясь, пообещал я, на ходу присоединяя новые колоритные детали к и без того бредовой картине преступления. Склеротичная близорукая бабуля, оказывается, еще и kleптоманией страдает. И должно быть, каким-то психическим расстройством, толкающим ее на подобные дорогостоящие шутки. Хотя, впрочем, и kleптомания тоже не заболевание рук.

– Слушай, Володь, а адрес девушки у тебя, случайно, не остался?

– Случайно, остался, – гордо заверил фотограф. – Сейчас найду.

Он развернулся и зашагал к стоящему поодаль треножнику с образцами творений мастера. Я с интересом посмотрел ему вслед.

Планшет стоит у ворот. Он всегда здесь стоит, это я точно помню. А девушку фотографировали правее – возле башни. Оттуда он не виден. У башни обычное место съемок. В тот момент, когда Володя запечатлевал очередного посетителя крепостных стен, у похитителя было вполне достаточно времени, чтобы вытащить пакет с фотографиями. Черт возьми, в какую же игру здесь играют!

– На. – Вернувшийся творец протянул мне исписанный клочок бумаги. – Пользуйся, общайся. Будешь жениться, позови на свадьбу. Я тебе замечательные снимки сделаю – память на всю жизнь!

– О-бя-за-тель-но! – абсолютно искренне пообещал я. – Спасибо, ты очень помог. Вадим, заводись, поехали!

В старом фильме о гражданской войне некий буржуинский сатрап говаривал: «Как банальны бывают люди, стремясь действовать оригинально». Вот и мой случай под стать этому утверждению. Понятное дело, почтеннейшая Аделаида Иларьевна затеяла какую-то хитроум-

ную аферу то ли вместе со своей сообщницей, то ли, наоборот, против нее. И сама себя перемудрила. Неужели она надеялась, что я куплюсь на ее доморощенные хитрости? Или это у нее, так сказать, первая проба и мадам попросту не представляет себе направление следствия?

В любом случае самое время позвонить в столицу и, как говорится у нынешних «знатоков», попросить помощи клуба. Пусть проверят машину, да и саму новоявленную жительницу Кроменца. Неплохо бы уточнить в архиве, не проходила ли эта элегантная особа по криминальным делам в прежние годы. Правда, сообщить о ней можно пока немного: имя-отчество скорее всего липовые; словесный портрет – вещь, конечно, хорошая, но не в случае, когда необходимо найти одну из тысяч подобных. Кто знает, может, это она здесь элегантна, как рояль, а вчера в поезд садилась согбенная старушка с клюкой и в белом платочке. Вот были бы отпечатки пальцев... Стоп! Почему были бы?

Я быстро распахнул папку с материалами, так, словно надеялся, что заветное решение уже лежит в ней, дожидаясь просветления в уме сыщика. Вот она, фотография псевдовнучки, на глянцевой поверхности которой наверняка есть вожаделенные пальчики!

Увы, я был прав. Отпечатки на снимке имелись. Их было более чем достаточно: мои, администратора гостиницы, Володи... Точно глумясь надо мной, они накладывались друг на друга, создавая полнейшую мешанину затертых следов. Да-а, тут я, пожалуй, погорячился. Но кто мог подумать, что рыдающая как белуга страдальца начнет выкидывать такие фортели?!

В моей голове очень явственно высветилась картина, где Аделаида Иларьевна испивала водичку из стакана, заботливо принесенного Ксюшей. Жалостливые всхлипы, зубы, стучащие о край стекла, – все актерство, сплошное актерство! Стоп! Господи, как же я сразу не подумал – стакан! Когда я выходил из кабинета, он стоял на столе. На нем должны были остаться весьма четкие следы. Я захлопнул папку и выхватил из гнезда телефонную трубку. Пять цифр номера, и знакомый голос секретарши в динамике вежливо произнес:

– Алло, добрый день. Детективное агентство Виктора Клинского всегда готово прийти вам на помощь.

– Ксюша, это я...

– Шеф, я все сделала, нотариуса нашла. Он сперва отпирался, говорил, мол, служебная этика запрещает и все такое прочее, но я намекнула, что это нужно Олегу, а он у Ратникова запчастей для «форда» берет. Сознался, что акт покупки дома регистрировал и ближе к вечеру тебя, шеф, ждет в гости.

– Умница! – похвалил я расторопную сотрудницу. – Другое мне скажи, ты посуду вымыла?

– Конечно, – гордо созналась аккуратистка. – После обеда ее не так уж много...

– Я не об этом! Ты стакан, который у меня на столе стоит, забрала?

– Н-нет, – удивленно отозвалась Ксюша. – Ты же сам велел к столу без тебя не приближаться. Но если надо, сейчас помою.

– Ни в коем случае! – заорал я, точно намеревался докричаться до офиса, минуя телефонную сеть.

Вадюня покосился на меня с недоумением.

– Клинт, ты че, в натуре?

Я лишь отмахнулся.

– Ксюша, пусть все стоит, где стоит. Сейчас приеду.

– А что, в бокале яд? – пискнула ошарашенная натиском соседка.

– Ксения, что ты морозишь?! Ты же сама в него воду наливала. Жди и ничего не трогай!

Я мчался в офис, точно он мог с минуты на минуту отбыть в неизвестном направлении, но, слава богу, к моему приезду здание все еще находилось на месте, кабинет был в целости и сохранности, и прозрачная стеклянная емкость гордо возвышалась посреди столешницы памятником человеколюбию. В следующую минуту, достав из-под стола заветный чемоданчик

со всем необходимым для экспресс-экспертизы, я уже подобно трудовой пчеле опылял «вещественное доказательство» спецсоставом, проявляющим следы папиллярных линий.

– Та-ак! – проговорил я, когда на поверхности стакана не осталось ни одного квадратного миллиметра, не подвергнутого пристальному осмотру. Потом вновь повторил, не находя слов для выражения обуревавших меня чувств: – Та-ак! – Потом завопил, пугая подглядывавшую в шелку Дашку: – Ксюша, немедленно сюда!

Переполющенная секретарша примчалась на крик, вытирая руки об изношенный фартушек.

– Вить, ты чего разорался!

– Ксения, дай-ка пальчики. – Я ухватил соседку за руку и, бесцеремонно повернув ее ладонь вверх, впился в витые пальцевые узоры.

– Ты чего, шеф, на солнце перегрелся? – возмутилась девушка, выдергивая руку.

– Та-ак! – в который раз повторил я.

– Вить, что случилось? – В ее тоне возмущение уступило место озабоченности. – Что-то произошло?

– Произошло, – сквозь зубы процедил я. – Смотри, – я указал на четкие следы на стекле, – это твои.

– Ну и что? – озадаченно спросила Ксюша.

– Ничего, – пожал плечами я. – А где отпечатки пальцев Аделаиды Иларьевны?

– М-м... Не знаю. Может, ты плохо смотрел? – удивилась подруга детства.

– Я хорошо смотрел. Иных следов здесь нет. Вообще. Даже намек на след. Так, словно, когда наша утренняя посетительница воду пила, стакан висел в воздухе. Ты его точно потом не трогала? – на всякий случай переспросил я.

– Шеф, я же тебе говорила, после твоего ухода я вообще сюда не заходила, – обиделась Ксюша.

– Волшебство какое-то! – пробормотал я. И откидываясь в кресле, добавил трагическим шепотом: – Ступай, мне надо подумать.

Невзирая на позу для раздумий, толковых мыслей в голове не прибавилось. С одной стороны, отсутствие искомых отпечатков было лишь очередной из обнаруженных нынче странностей. С другой стороны, черт возьми, не могли же пальчики сами по себе уйти в неизвестную даль с того места, где должны были находиться! Весьма странное дело! Самое время подключить «центр» и попробовать выяснить, не было ли там засветок моей недавней клиентки?

Я спустился во двор, где ждал Вадюня, и, воспользовавшись его любезным предложением, не замедлил обременить бывших коллег излишком скопившихся у меня вопросов. Можно подумать, у них своих проблем не было!

Остаток дня продолжал преподносить сюрпризы один страннее другого, точно фокусник, достающий голубей из рукава. Никто из служащих вокзала сегодня не видел элегантной пожилой дамы, ожидающей приезда опоздавшей внучки. Никто из таксистов не подвозил обозначенную клиентку по адресу улица Маршала Черняховского, 7. И по другим адресам тоже не отвозил. Никто из поездной бригады Кроменецкого экспресса не мог припомнить, чтобы женщина, подходящая под данное мной описание, выходила из вагонов в Кроменце. И это было еще не все!

Найденный Ксюшей нотариус, оформлявший сделку, к моему, да, похоже, и к своему собственному удивлению, никак не мог припомнить, как выглядела клиентка, покупавшая дом. Можно подумать, что за день через его руки проходили тысячи подобных покупателей. Но самое забавное, что в толстой нотариальной книге, в которой он регистрировал все оформляемые бумаги, черным по белому было записано, что дом приобретает непосредственно сама Аделаида Иларьевна и что сделка скреплена ее собственноручной подписью. Конечно, внучка

вполне могла оформлять бумаги по доверенности, но в книге никаких отметок на эту тему не было. Собственноручная подпись!

В общем, непонятных фактов становилось все больше, а здравого смысла в деле «о пропавшей родственнице» все меньше. Самое время было отправиться к месту вероятного исчезновения, в гости к любезной Аделаиде Иларьевне.

Мы с Вадюней уже подъезжали к застроенной аккуратными коттеджами улице Маршала Черняховского, когда трубка, внезапно пробудившись, огласила салон бравурными аккордами «Оды к радости».

– На трубе! – нажал кнопку Вадюня.

– Капитана Клинского, – донеслось из мобильного. – Он там рядом? В смысле... Виктора Клинского.

Мой соратник по неравной борьбе с преступностью Михаил Потапов, по прозвищу Михал Потапыч, никак не мог свыкнуться с отставкой старого друга.

– Слушаю, – отозвался я.

– Алло, Витя, слушай сюда! – загрохотал знакомый голос. – Кое-что я для тебя нарыл. Короче, «феррари» с такими номерами в столице не значится. Да и вообще, в городе всего три «феррари» и все сейчас в наличии. А вот с номерком сложнее. Номерок действительно наш. Принадлежит он двадцатилетнему «жигуленку», который на той неделе продали на дрова. Соображаешь?

– Конечно, – отозвался я. – А что по людям?

– Никакая Аделаида Иларьевна со времен царя Панька в наших пенатах не проживала. Вторая фигурантка: или да, или нет, или может быть. По справке АСБ1 есть женщины с такими данными, но даты рождения не совпадают. Я на всякий случай прозвонился участковым, чтобы они мне установочные данные подогнали, но, по-моему, это пустышка. Там одной семнадцать лет, другой тридцать шесть, а третья вообще пенсионерка и проживает сейчас в доме престарелых.

– Понятно, – процедил я. – Дай отбой участковым, это не мои.

– Ну, как скажешь, – добродушно согласился Михал Потапыч.

– В любом случае спасибо за помощь. Отбой связи.

Вот так-то. Вот вам и Аделаида Иларьевна. Вот вам и внучка. Впрочем, а чего, собственно говоря, я ждал?

Уютный двухэтажный домик, стоящий на улице любвеобильного маршала, утопал в зелени, и, судя по всему, с широкой террасы второго этажа, предназначенной для неспешных чаепитий, открывался прелестный вид на Старый город и перечеркнутую золотыми крестами соборов вечернюю зарю. Гостеприимная хозяйка коттеджа, уже несколько оправившаяся от «утреннего потрясения», любезно пригласила следственную бригаду в дом. Однако, сославшись на необходимость уточнить еще кое-что, я временно откланялся, оставив Вадюню за старшего. Как бы то ни было, ночи летом короткие, светает рано, а стало быть, имело смысл поспрашивать у соседей, не заметили ли они случайно утром чего-нибудь необычного.

И снова выстрел в «молоко». Сегодня, как и вчера, и позавчера, и далее в глубь веков, все тихо-чинно, никаких странностей. Свет в доме номер семь горел за полночь, но никто не выезжал из него и, кажется, не выходил. Утром в округе тоже ничего подозрительного не видели и не слышали. Улочка тихая, автомобили ездят редко и в основном свои. Нет, определенно, утром никто не приезжал.

Возвращаясь к Аделаиде Иларьевне, я остановился у киоска купить минералки. Наверняка сейчас хозяйка предложит что-нибудь выпить. Отказываться неудобно, а соглашаться при открывшихся обстоятельствах, пожалуй, не стоит. Лучше уж, сославшись, скажем, на разыгравшийся гастрит, заявить, что пьешь только минералку и, совершенно случайно, вот она с

собой. Пока киоскерша отсчитывала сдачу, я стоял, созерцая ворота, в которые должен был войти, стараясь продумать дальнейшую линию поведения.

Не прошло и суток с момента появления моей клиентки в агентстве, а я уже достоверно знаю, что девушка на фотографиях не состоит в родстве с заказчицей расследования. Что сама Аделаида Иларьевна и ее вероятная внучка никогда не проживали в столице, во всяком случае, под этими именами. Что с документами у них происходят диковинные трансформации. Что вызывающий обильное слюноотделение у местной публики «фerrари» ездит с чужими номерами. Что сегодня спозаранку отсюда никто не выезжал и сюда никто не въезжал. И что совсем несуразно – почтенная леди не оставляет после себя отпечатков пальцев. Не уничтожает, а именно не оставляет! Право, неплохо для первого дня поисков. Вопрос только, стоит ли продолжать наше плодотворное сотрудничество при столь пикантных обстоятельствах.

Рассчитавшись, я отправился к дому номер семь. Во дворе, пританцовывая от нетерпения, дожидался младший Ратников.

– Слушай, Клин, – начал он взволнованно, хватая меня за руку и наклоняясь к уху. – Твоя эта самая, она того... часом, не инопланетянка?

– С чего ты взял? – уставился на него я.

– Клин, – быстрым шепотом заговорил детинушка, – ты не думай, я типа не с дуба рухнул. Я конкретно говорю. На площадке возле гаража ее точило стоит, я его руками помацал – это полный ататуй!

– Яснее говори! – потребовал я.

– В натуре, это не автомобиль, это чисто летающая тарелка! «Челленджер», мать его ети! Он сплошной!.. Капот, бензобак, все сплошняком – ничего не открывается, типа нарисованное! Да ты сам глянь! – Он потащил меня к открытому гаражу, где рядом с Олеговым выдавшим виды «ниссаном» красовался умопомрачительный кабриолет.

Я подошел поближе. Мне показалось, что вздыбленный вороной скакун на золотистом щитке под полосами цветов итальянского флага недобро скосил на меня глаза. Но должно быть, только показалось.

Вадюня был прав. Даже в наступивших сумерках в полутьме гаража было видно, что автомобиль, неделю преспокойно разъезжавший по бездорожью Кроменца, автомобиль, который нынче утром буквально улетел у меня из-под носа, – НЕВОЗМОЖЕН!!! Подобно дешевой китайской модельке, он имел лишь едва обозначенные контуры подвижных частей. Слава богу, хоть колеса на месте! Но я лично был свидетелем – он ездил!

– Вадим, оставайся здесь. Будь наготове. Если что, я дам тебе сигнал.

– Клин! – Ратников прижал к груди пудовый кулак. – Только свистни! Заровняем ее под ноль!

– Надеюсь, этого не потребуются. – Я с сомнением почесал бровь и, обреченно вздохнув, направился к дому.

Как я и ожидал, мои заверения, что следствие продвигается и уже располагает кое-какими фактами касательно исчезновения бедной девушки, произвело на Аделаиду Иларьевну благоприятное впечатление.

– Если не возражаете, – любезно продолжил я, – мне надо осмотреть дом, проверить комнату вашей внучки. А потом, если вы сейчас в состоянии отвечать, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

– Конечно-конечно, – закивала хозяйка. – Пойдемте, я вам все покажу.

Прихватив драгоценный чемоданчик со всем необходимым для экспертизы, я последовал за Аделаидой Иларьевной на второй этаж, в спальню «канувшей без вести» девушки.

– Вы пока смотрите, – напутствовала любезная клиентка, – а я, пожалуй, на скорую руку что-нибудь приготовлю. Наверняка вы толком не обедали.

Оставшись один, я немедленно приступил к делу, изображая из себя небольшую пылевую бурю в районах возможного соприкосновения пальцев с поверхностью предметов: выключатель, дверные ручки, прикроватная тумбочка... Через пять минут я нашел, что искал. Вернее, не нашел то, что искал. Вернее, обнаружил то, чего не было... Отпечатки пальцев отсутствовали во-об-ще. Абсолютно. Может быть, Вадим был прав, и Аделаида Иларьевна, готовящая внизу скромный ужин, вовсе не человек, а гуманоид из какой-нибудь Альфа Центавра? И разыскивает она не внуку, а, скажем, враждебного гуманоида из Тау Кита. Но в любом случае следствия это не касается, и если Аделаида Иларьевна не желает аннулировать заказ, а, судя по всему, она этого делать не желает, ей придется внятно ответить на скопившиеся вопросы.

Хозяйка дома уже поджидала меня за столиком, уставленным тарелками с бутербродами и наскоро нарезанным салатиком.

– Присаживайтесь, Виктор. – Она указала на место напротив себя. – Что предпочитаете к вечерней трапезе? Вино, эль или что-нибудь покрепче?

– Минералку. – Я вытащил из чемоданчика принесенную бутылку и немилосердно свернул голову крышке. – Гастрит, знаете ли.

– Прискорбно в столь молодом возрасте, – покачала головой мадам.

Нет, положительно, на гуманоида она не походила.

– Вы хотели задать мне какие-то вопросы? – поинтересовалась она. – Я вас слушаю.

Слушать моей клиентке пришлось довольно долго. Понятное дело, на первый случай я не стал выкладывать имевшуюся у меня информацию целиком. Всему свое время. Сейчас главное было заставить мою более чем странную заказчицу отвечать на поставленные вопросы.

– ...И заклинаю вас, почтеннейшая Аделаида Иларьевна, потрудитесь объяснить, каким волшебным образом отпечатки пальцев отсутствуют на всем том, к чему вы прикасаетесь? – завершил я свой пылкий монолог.

– Каким волшебством? – переспросила загадочная леди, улыбаясь неизвестно чему. – Да вот каким! – Она хлопнула в ладоши.

Из-за кухонной двери возникли два угрюмого вида мордоворота, с до безобразия бугристыми мышцами в странного вида доспехах с массой шипов. Буквально топ-модели клуба «Эге гей!». В руках качки сжимали кривые разделочные ножи с похабными отростками и зубчиками, точно выкованными по заказу иллюстратора фэнтезийных боевиков. Размахивая своими тесаками, монстроидные уроды двинулись на меня.

– Какого черта! – вскричал я, переворачивая столик.

Годы тренировок учат быстро оценивать противника. Такие горы мяса, пусть даже с железяками в руках, не соперники для опытного борца: дыхание отсутствует, движения медленные, координация, как у контуженого осьминога. Оружие психического воздействия, не более того. Перехват запястья, поворот, удар наотмашь по глазам и бросок тулова под ноги второго наступающего собрата. Теперь осталось только помочь им не подняться...

– Всем на пол! Положу к едрене фене!

В комнату, срывая с петель двери, ворвался Вадюня, хищно поводя из стороны в сторону стволом помпового ружья.

– Ой! – испуганно взвизгнула Аделаида Иларьевна и щелкнула пальцами в направлении Ратникова.

Вороненый «мосберг», вырванный неведомой силой из могучих рук моего помощника, взмыл под потолок, точно воздушный шарик, наполненный гелием. Но это еще что! Сам Вадюня, пытавшийся, видимо, угнаться за дробовиком, так же парил в воздухе, не касаясь ступнями пола.

– Bravo, Виктор! Bravo! – захлопала в ладоши моя клиентка, и я с недоумением заметил, что там, куда попала пролившаяся минералка, строгий английский костюм преобразается в тончайшее шелковое одеяние. – Вы прошли экзамен! Но только я не волшебница. Я – фея.

Глава 2

Сказ о том, что есть там, где нас нет

Должно быть, мой взгляд являлся лучшим доказательством того, что слова загадочной клиентки были правильно расслышаны. Вдосталь налюбовавшись произведенным эффектом, мадам взмахнула рукой, отменяя все только что произошедшее, и поверженные мордовороты исчезли, растаяли в воздухе, словно никогда и не существовали. Оружие само собой вернулось в руки Вадима, подошвы его кроссовок коснулись пола, но сам он так и остался стоять в нелепой улетающей позе.

– На всякий случай, – пояснила Аделаида Иларьевна, вернее...

Я молча затряс головой, пытаясь отогнать наваждение. Вернее, ее внучка! Ибо в тонком шелковом одеянии, посверкивающем при движении золотистыми искрами, передо мной стояла черноволосая красавица с огромными голубыми глазами, точь-в-точь такая, как описывали ее свидетели.

– Да-да, я фея, – продолжила очаровательная хозяйка. – И умоляю вас, прекратите смотреть на меня так удивленно! Иначе мы никогда не перейдем к делу.

За годы работы в уголовном розыске я навидался всякого. И преступников, выглядевших, как британские лорды, и отцов народа, смотревшихся изысканным украшением скамьи подсудимых. Но фея – это уж чересчур!

– Вы успешно завершили порученное вам дело, – продолжала красавица мягко, точно успокаивая. – Если хотите, можете немедленно получить свой гонорар. Но мне действительно нужна ваша помощь, ради чего я и устроила это испытание.

– Да, я слушаю вас, – через силу выдавил я, и звук собственного голоса показался мне чужим, словно говорил кто-то в соседней комнате.

– Вот и славно. Видите ли, Виктор, – фея поудобнее устроилась на выдавшем виды диване, должно быть, оставшемся от прежних хозяев, и навела указательный палец на валяющийся журнальный столик, – все дело в том, – столик сам собой перевернулся и уверенно встал на четыре ноги, – что в тех краях, откуда я родом, мы, феи, являемся одной из коренных народностей. И хотя даже там нас немного, сама по себе принадлежность к этому древнему роду ни у кого не вызывает удивления. Я непременно расскажу вам историю моего народа, но как-нибудь в другой раз. А сейчас вернемся к делу.

Пятнадцать лет тому назад я была приглашена ко двору короля Базиля IV, чтобы воспитывать и оберегать его единственную дочь, полное имя которой... вам не запомнить. Да и не выговорить. Дома все ласково зовут ее просто Маша. Когда меня пригласили к королевскому двору, крошке был всего лишь год. Ее несчастная мать умерла незадолго до того, и я, как могла, заменила ее маленькой принцессе. Пятнадцать лет я не отходила от своей юной воспитанницы, оберегая от злых чар и дурного глаза и обучая всему, чему фея может обучить человека. И вот как только Маше исполнилось шестнадцать лет, к ней посватался принц Элизей из соседней державы. Славный такой витязь и просто хороший мальчик. Они с малышкой часто встречались в прежние годы, – фея невольно всхлипнула, – ну и, как водится, полюбили друг друга. Король-отец не стал идти против воли обожаемой дочери и дал согласие на их брак. По обычаю, после помолвки принцесса уединилась в Невестиной башне, стоящей поодаль от королевского дворца, ибо никому не позволено видеть нареченную за месяц до церемонии скрепления любовных уз.

– Интересно, – проговорил я, нащупывая в создавшейся невероятной обстановке ниточку хоть чего-то близкого и понятного, пусть даже очередного преступления.

– Когда влюбленные желают навечно связать две жизни в одну, их души открыты всему свету, они хотят осчастливить весь мир, всех и каждого. Но среди людей всегда найдутся тайные завистники или же попросту гнусные душонки, желающие заронить каплю черного яда в открытое сердце. Живя в Невестиной башне, невеста надежно защищена от злого морока и темной нави. К тому же у нее вполне достаточно времени, чтобы сшить наряд, в котором она предстанет перед суженым, изучить рецепты изысканных яств, которыми надлежит потчевать избранника для разжигания в душе и теле его великой страсти... Ну и всякое такое. – Фея чуть отвела глаза, не желая пояснять какое «такое».

– Угу. – Я вытащил из кармана джинсов потрепанный блокнот с пристегнутой ручкой и, найдя свободный лист, начал делать для себя пометки. – Сколько она находилась в башне?

– Месяц, – без запинки ответила Аделаида Иларьевна.

– Ме-е-сяц, – задумчиво повторил за ней я. – А когда вышла оттуда, с ней было все в порядке?

– Да, – подтвердила опрашиваемая.

– Вы видели это собственными глазами?

– Н-нет. Я ждала Машу в церемониальной зале...

– Понятно. Так и запишем: прямого свидетельства нет. Скажите, будьте любезны, – продолжил я, уже вполне обретая привычную почву под ногами, – в ваших краях есть обычай надевать на невесту такое, знаете ли, полупрозрачное покрывало?

– Да, конечно, – закивала фея, – до самого алтаря никто не имеет права видеть лицо, а особенно глаза новобрачной.

– О-очень предусмотрительно, – согласился я, акцентируя внимание на том, что никто на самом деле не может поручиться, что из одиноко стоящей башни, расположенной поодаль от королевского дворца, вышла именно та самая девушка, которая вошла в нее месяц назад.

– Но, Виктор, – попыталась прервать мой опрос волшебствующая клиентка, – я ведь еще не рассказывала вам, что произошло!

– Давайте так, – я закрыл блокнот и начал постукивать по его переплету авторучкой, – я попробую сам рассказать вам, как обстояло дело. А вы, если я допущу какие-либо важные детали, меня поправите.

Фея воззрилась на меня удивленно. Я невольно улыбнулся, как ни крути, а удивить фею... В этом что-то есть!

– После того как ваша подопечная вышла из башни, – начал повествование я, – она в сопровождении множества слуг и стражи направилась в замок. В ту самую залу, о которой вы уже упоминали. – Фея молча кивнула, подтверждая мое предположение. – Отлично. Но как только девушка переступила порог, произошло что-то со светом, раздался звон разбитого стекла, среди придворных началась паника, а когда прибежала стража с факелами, принцессы в помещении не обнаружилось.

– Верно, – почти шепотом завороченно произнесла Аделаида. – А откуда вы знаете?

– Опыт, видите ли, – чуть надменно усмехнулся я. Не рассказывать же фее, что в детские годы волшебные смотрел фильм «Руслан и Людмила»! – Надеюсь, вне дворцовых стен вы искали?

– Да, – околдованная моей неслыханной проницательностью, подтвердила чародейка.

– Берусь утверждать, что в небе в это время пролетал неопознанный объект? – продолжал я пересказывать сюжет известной сказки.

– Дракон, – удивленно кивнула красавица.

«Осечка», – про себя подумал я, подсознательно настроившись услышать сообщение о длиннорылом карлике, промышлявшем, по словам великого русского поэта, национальным спортом темпераментных горцев – похищением из-под венца хорошеньких невест. Но вслух произнес лишь:

– Ну конечно! Как же иначе? С тех пор, полагаю, никаких писем с требованием выкупа не поступало?

– Нет. – Фея отрицательно покачала головой.

– Угу. Ну, в общем, как обычно, – заверил я подопечную.

– Великолепно! Великолепно! – Моя собеседница захлопала в ладоши. – Я вижу, что не ошиблась в вас. Вы именно тот, кто мне нужен.

– Вас послал безутешный отец-король? – делая строгое лицо, точь-в-точь на плакате «Тише – враг подслушивает!», поинтересовался я.

– Нет, – огорченно вздохнула магическая воспитательница. – Я сбежала.

– Сбежали?! – не на шутку удивился я.

– Увы! Его величество Базилей IV устроил такой скандал и дым коромыслом, что я попросту испугалась. Он потребовал, чтобы я отыскала его дочь, мою воспитанницу. Ведь я поставлена отвечать за ее безопасность и непременно отвечу по всей строгости закона, если Маша не вернется во дворец целой и невредимой.

– А это, насколько я понимаю, не в ваших силах, – высказал я догадку.

– К сожалению, вы правы, – невесело согласилась моя собеседница. – Я даже не представляю, с чего начать! Я испробовала все, что в моих силах, но ничего не помогло. Вот и дала стрекача – кому охота с головой проститься. Можно было, конечно, идти, куда глаза глядят, да выпрашивать у встречных-поперечных, не видал ли, не слыхал ли кто о пропавшей принцессе? Да вот только в какую сторону идти? Может, идешь вперед, а пропажа-то как раз у тебя за спиной, так что с каждым шагом от нее все дальше отходишь. И вот, – фея печально вздохнула, – я здесь. Отдыхалась, осмотрелась, совестно стало. Я в тепле и уюте, а Маша, быть может, в сырой пещере у дракона томится. Вот и подумала, надо сыскать рьяного одиноца-следознавца, дабы он, используя сноровку свою, вернул кровинушку в отчий дом.

– А счастливый король, – в тон ей продолжил я, – отвалит мне за это полцарства. И руку дочери в придачу.

– У нас королевство, – озадаченно проговорила фея. – Царство поблизости только одно. Царство Вечных Льдов. Но на него никто не претендует, так что можете забирать все. А вот насчет руки... Настоятельно вам не рекомендую об этом упоминать. Жених Маши, принц Элизей, один из первейших воинов нашего времени. И от невесты своей он нипочем не откажется.

– Понятно, – усмехнулся я. – Да на самом деле я в общем-то не претендую. Это так, к слову пришлось.

– Вот и прекрасно, – приободрилась фея. – А то уж я было подумала... Вы не сомневайтесь, Виктор, наш король человек щедрый, в обиде не останетесь. – Она пытливо заглянула мне в глаза, надеясь увидеть в них ответ. – Так что, согласны отправиться на поиски малышки?

– Сударыня, утром я обещал отыскать вашу внучку, и, если на проверку она оказалась не внучкой, а воспитанницей, это отнюдь не отменяет моего обещания. Только будьте любезны, – я вытащил из рабочей папки отпечатанный текст договора, – скрепить наше соглашение подписью. И еще, если вас не затруднит, пожалуйста, верните моего помощника в исходное состояние.

– Пожалуйста, – улыбнулась фея, делая изящный росчерк под документом. – Зовите меня просто Делли. – И, отодвинув от себя договор, шелкнула пальцами.

Мой широкоплечий соратник резко выдохнул:

– А! – И, чуть подпружинив на полусогнутых коленях, с явным недоумением обвел глазами гостиную и спросил: – А эти где?

– На холодильнике, – немедленно призналась Делли.

Вадюня недоверчиво покосился на улыбающуюся девушку, очевидно, пытаясь сообразить, куда девалась Аделаида Иларьевна.

– Клин, ты ее, чисто, контролируешь? – недоверчиво поглядывая на мою собеседницу, процедил он.

– Контролирую, – заверил я, не желая расстраивать младшего Ратникова, явно намеревающегося поиграть в крутого оперативника.

– Я проверю кухню, – перекаtywая желваки на скулах, заявил он и, не дожидаясь моего согласия, пнул ногой дверь. – Всем конкретно оставаться на своих местах, руки за голову! – завопил он.

– Пожалуйста, поаккуратнее с дверьми, юноша! – вслед ему крикнула Делли, но тщетно. Вадюня уже скрылся в маленькой кухоньке. Вернулся он минут через пять, ошарашенно волоча за собой «мосберг», точно кораблик на веревочке.

– Они там, – обалдело промолвил он. – В натуре!

– Где? – недоуменно помотав головой, спросил я.

– На холодильнике...

– Понимаете, Виктор, – пустилась в объяснения фея, – как вы сами видите, я купила этот дом вместе с кое-какой мебелью и утварью. Среди этого и большой шкаф-ледник, именуемый у вас холодильником. Так вот, на нем было два крошечных портрета тех самых воинов, которых вы столь доблестно одолели полчаса тому назад.

– Приколись, наклейки от жевательных резинок, – пояснил Вадюня.

– Быть может, – согласно кивнула Делли. – Должна же я была испытать вашу силу и доблесть! Вот и вывела их образы. Навредить вам они не могли, а вот напугать – это да!

Я улыбнулся, невольно сглатывая комок. Пару дней назад Дашка из детской тяги к красному налепила на дверь моего кабинета подобные картинки, только с динозаврами. Оставалось тихо радоваться, что в ближайшем киоске таких, должно быть, не продавали. Впрочем, насколько можно было понять, в том мире, куда мы намеревались отправиться, подобные монстры не были редкостью.

И все же, все же... Хотя глаза мои без искажений транслировали в мозг диковинную картину произошедшего, свыкнуться с мыслью, что я, взрослый образованный мужчина, в недавнем прошлом офицер МВД, буду запросто беседовать с без сомнения сказочным персонажем и как ни в чем не бывало обсуждать с ней, с ним, с персонажем... черт возьми! ...возможность совместной работы, – нет, это было уму непостижимо! И похоже, не только моему.

– Может, вы инопланетянка? – с затаенной надеждой спросил младший Ратников, ища хоть какое-то разумное объяснение пережитому.

– Нет, – покачала головой Делли, с нескрываемым сочувствием глядя на Вадюню, пытающегося втиснуть происходящее в рамки обыденного жизненного уклада. – Впрочем, считайте, как хотите.

После этого милостивого дозволения у Вадима, да и у меня, отлегло от сердца. В конце концов, в последнее время и по телевидению, и в газетах столько твердилось о встречах с представителями внеземных цивилизаций, что они уже начинали казаться чем-то привычным, вроде инспекторов ГИБДД.

– Ладно, – махнул рукой я, – как там у вас говорят: утро вечера мудренее. Надо кое-какие дела завершить, а утром, если не возражаете, в путь.

– А я? Типа можно я с вами? – как-то совсем по-детски попросил мой помощник. Не хватало только заявления: «Я буду хорошо себя вести!»

– А брат отпустит? – по-отечески строго поглядел на него я.

– Да ну, – отмахнулся Ратников, – понты делов. С тобой Олег отпустит без базара. Все равно в натуре мне тут заняться пока нечем.

– Хорошо, – согласно кивнул я, прикидывая, что такая живая сила в подобном деле не помешает. – Если Олег возражать не будет, возьму тебя с собой. Вы не против, сударыня?

Фея придиричиво посмотрела на мощный торс Вадима, затянутый белой футболкой с английской надписью: «Ангел 90 %».

– Отчего же, столь могучий витязь наверняка пригодится.

Вадим, польщенный произведением в витязи, еще шире расправил плечи.

– Да я! Да я гадом буду! Да я...

– Все! Завтра с утра отправляемся, – прервал его излишняя я. – А сейчас, сударыня, позвольте откланяться.

Как пелось в дедовской песне: «Были сборы недолги». Краткое наставление Ксюше на тему того, что отвечать по телефону, укладывание походной сумки, визит к Олегу с предложением вернуть ему часть долга, вот, собственно говоря, и все. Деньги Олег отверг с возмущением:

– Я же сказал, увижу, что идея работает, ты мне ничего не должен! – заявил он, хлопая ладонью по столу, чтобы продемонстрировать, что разговор на эту тему закончен. – Действуй! Кстати, там мой младшенький с тобой просится. Так его отпустить или сказать, чтоб не путался под ногами?

– Мне-то Вадюня, конечно, пригодится, – начал я, памятуя слова феи о могучем витязе, – но командировка может затянуться, а у него работа.

– Угу, болтов у него сейчас тачка, а не работа! Помнишь уродов, которых мой красавец в Поляндии на дороге в кучку сложил?

– Помню! Но когда это было! Он после этого уже спокойно ездил к тевтонам за колесами.

– То-то и оно, что случилось это не так давно, как хотелось бы. Намедни выписались пострадавшие из лазарета, и тут как раз очередной месячник борьбы с когтистой лапой русской мафии. На Вадькину беду, один из тех «невинных граждан» оказался студентом Академии искусств. И нарисовал он портрет моего братца в весьма реалистичной манере, заодно обвинив в рэке и разбое. Так что теперь он живое воплощение русской мафии и в Европу ему лучше не соваться. Спасибо, добрые люди вовремя весточку прислали. Так что, если желаешь, бери его с собой. Нечего ему тут без дела шляться.

С этим вопросом было улажено. Вадим ожидал решения своей судьбы, опираясь на станковый рюкзак, более напоминавший колонну, вроде тех, рядом с которыми художники любили изображать вельмож екатерининской эпохи.

– Ты что, переселяться надумал? – спросил я, удивленно указывая на собранные младшим Ратниковым вещи.

– Да так, типа взял по мелочи, – уклончиво ответил мой помощник, отводя глаза, – зубная щетка, паста, смена белья...

Я посмотрел на него с невольным уважением: должно быть, запаса зубной пасты могло хватить, чтобы привить правила гигиены полости рта всем встречным драконам.

– Ну че, поехали? – с надеждой спросил свеженазначенный витязь, облаченный по поводу дальнего странствия в оставшийся с армейских времен камуфляж.

– Конечно, – кивнул я.

Синий «ниссан» стремительно вырулил на центральную улицу Кроменца и, покотив мимо рынка, служившего, кроме своего основного назначения, местом встреч и демонстраций мод сезона, устремился к дому номер 7 по улице Маршала Черняховского.

– Вот и вы! А я уж начала волноваться, – радостно приветствовала нас фея, выпархивая из домика. – Добрый витязь, заприте, пожалуйста, ворота.

«Добрый витязь» Вадим Ратников, восхищенно глядя на красавицу, кивнул и опрометью бросился закрывать тяжелые железные ворота.

– Очень славно, – убедившись, что двор не просматривается с улицы, мягко произнесла Делли. – Все готово, можно начинать! – Она отворила дверь гаража, в котором по-прежнему красовался невероятный «феррари».

– Я... Я сейчас! – Ратников бросился к своему автомобилю и скрылся за тонированными стеклами салона.

Вновь он появился через несколько минут, уже полностью готовый к отправке. Голову его украшал кевларовый шлем-сфера с пластиковым забралом, поверх камуфляжа красовался тяжелый бронежилет с полостью, на боку висело длинное колумбийское мачете, а на плече Вадим держал уже знакомый «мосберг». Вид воистину сказочный!

– Я готов! – гордо заявил наш соратник.

– Хорош. – В отличие от меня у феи такой свирепый облик не вызвал и тени улыбки. – Итак, – Делли обернулась к дальней стенке гаража и, полуприкрыв глаза, стала совершать загадочные пассы руками, – в путь!

Стена, на которую был обращен ее взор, исчезла, точно растворилась в воздухе, и перед нами более чем явственно возникла широкая грунтовая дорога со следами колеи, поросшей по обе стороны лопухами и мелким кустарником.

– Солнце над нами! В седло! – скомандовала кудесница.

Я хотел спросить, какое такое седло она имеет в виду, когда за спиной раздалось радостное ржание. Рядом со мной, там, где только что стоял «феррари», бил копытом тонконогий вороной жеребец с серебряной уздечкой и дорогим, инкрустированным золотом седлом. Но это еще что! У входа в гараж экипированный «а-ля штурмовая группа» Вадим сам собой преобразился едва ли не в былинного богатыря в пластинчатой броне и шишаке с личиной. А рядом с ним как ни в чем не бывало пощипывал травку широкогрудый цвета турмалин-индиго скакун, отливающий перламутром. Из утробы невиданного зверя неслась разудалая песня: «Ты скажи, ты скажи, че те надо? Че те надо?..» Видимо, выходя, Вадюня забыл выключить радио. Что и говорить, было чему удивляться. Но, имея дело с феей, приходится смириться с чудесами, иначе ни на что, кроме удивления, времени не хватит.

– Я на коне-то не умею, – покосился на обновленное транспортное средство техновитязь.

– Ерунда, – махнула рукой фея. – За рулем мог им управлять и здесь не сложнее будет. Двоих-то мой волшебный конь враз куда хочешь домчит, но втроем мы никак на нем не поместимся.

– Да что вы! Я в натуре своего Ниссана нипочем не оставляю! – Вадим поднатужился, взвалил рюкзак на конский круп. – Да че там, он тоже конь не слабый! Конкретно, силы, как у целого табуна, и скорости безо всякого волшебства под двести км.

Закончив погрузку, он неловко вставил ногу в стремя и, пробурчав:

– Интересно, как типа им теперь управлять? – взмыл в седло.

– Очень просто, – ответила ему фея, занимая свое место на спине Феррари, – правое стремя – газ, левое – тормоз. Рули уздечкой.

– А коробка передач чисто автомат?

– Коробка у него теперь черепная. Но поверь, работает ничуть не хуже. – Делли сделала мне знак присоединяться. – Но! Пошел!

Наши кони ступили через невидимую черту – границу, отделяющую тривиальный гараж от загадочного мира, в котором феи обычное явление, в котором летают драконы, а принцессы преследуют не толпы папарацци, а некие таинственные злоумышленники. Я крутил головой во все стороны, пытаясь первым делом разглядеть что-либо необычайное, отличающее мир, только что покинутый нами, от этого, незнакомого и таинственного.

Ничегошеньки! Дорога как дорога. Должно быть, такими были все без разбору дороги близ Кромента, когда турки в великой силе стояли под его стенами. Оставалось радоваться,

что погода держалась сухая и, судя по синему небу с уныло бредущей отарой облаков, дождя в ближайшее время не предвиделось.

– Это мы уже здесь или еще там? – заговорщицким тоном поинтересовался славный витязь с многозарядным копьём на изготовку, явно снедаемый теми же сомнениями, что и я.

Его синебокий жеребец плелся с непривычной для него скоростью километров в пятьдесят, что со стороны казалось невероятным галопом, но для моего помощника, искренне полагавшего, что скорости начинаются с числа, вдвое большего, а все остальное попросту торможение, такое положение дел было невыносимым.

– Здесь, – негромко подтвердила Делли, вглядываясь вдаль. – Но что-то вокруг не так.

– Что именно? – напрягся я, невольно напоминая себе, что прибыл в эти края вовсе не на экскурсию. – Пожалуйста, подробнее.

– Во-он тот указатель.

Я посмотрел туда, куда указывала фея. Вдали виднелся аккуратный столбик. Не прошло и трех минут, как мы поравнялись с ним. «32-й проезжий тракт» – гласила надпись на остроконечной табличке. И ниже выразительно, но загадочно: «Вперед – 200» и «Назад – 8800».

– Конкретно не понял! – выпучив глаза, сознался добрый молодец Вадим, по третьему разу перечитывая надпись.

– Что тут непонятного? – недовольно отозвалась фея. – Двести верст, то бишь миль, до Великого Железного Тына. Восемь тыщ восемьсот – до столицы мурлюков, будь они неладны! – Она смачно сплюнула на столбик и у его основания появилась небольшая обугленная скважина, над которой вился дымок. – Вот так всегда, не успеешь оглянуться, опять Тын передвинули.

– Что еще за чудовища такие – мурлюки? – настороженно спросил я, мучительно пытаюсь вспомнить, слышал ли я когда-нибудь в прежние времена об этих диковинных существах.

– К сожалению, мурлюки – это люди, – вздохнула Делли.

– Люди? – уточнил я, намереваясь срочно пополнить свои познания информацией о необычайных тварях этого мира.

– Люди, – вновь подтвердила прелестная чародейка. – В прежние времена, в темные века реформации Возрождения, великое множество людей искало пустые земли за Средним Хребтом. Тянулись в те края кто ни попадя: тати, скрывающиеся от приговора, беглые каторжники, хитрованы-многоженцы, мошенники и всякий прочий люд, желавший что-либо делать не так, как все прочие. Сначала их захребетниками прозывали, поскольку они за Хребтом жили. А уж потом, в честь торговца, который ученому, что карту тамошних земель рисовал, еду и питье поставлял, назвали эту землю Терра Мурлюкия. – Фея грустно вздохнула.

– Ну, чисто назвали и назвали, – вклинился нетерпеливый витязь. – Хрен типа они оградку двигают?

– Эх, – спутница печально махнула рукой, – тут вот такая история вышла. Когда мурлюки на своей земле обжились, себя единым народом почувствовали, тут-то и вспомнили, что, почитай, каждого из них на прежней родине кто-то, да поджидает: кто с дубьем, кто с кнутом, а кто и с мечом, чтобы голову с плеч снести. Боязно им стало! Стук зубовный стоял, аж у нас слышно было. Вдруг все эти преследователи объединятся да придут в мурлюкскую землю выяснять, кто в доме хозяин. Тогда-то они и порешили воздвигнуть Великий Железный Тын от земли до неба, чтобы обезопасить себя. Сначала ровнехонько по Хребту поставили. Ничего, очень хорошо стоял, издали даже красиво было. Чистенький такой, надраенный до зеркального блеска, а поверху кованые драконьи головы огонь изрыгают. Для острастки, понятно. Так они и жили себе лет двадцать. А потом одному из их главных майоров, у них всеми делами главный майор заправляет, пришла в голову страшная мысль: «А вдруг как Орда нагрянет?»

– Какая Орда? – не понял я.

– Известно какая. Косматая. Верхом на медведях. Были у нас когда-то такие в незапамятные времена. Так это же когда было! – добавила она.

– А откуда им теперь взяться? – усомнился я.

– То-то и оно, что неоткуда. А вдруг как они готовятся? Ордынцы, в смысле. Вдруг они в Царстве Вечных Льдов медведей приручают да обходные пути ищут? Поди за ними уследи, когда их со времен царя Берендея никто не видел! Вот и пошли мурлюки свой Железный Тын во все стороны двигать, чтоб не встречать Орду на ближних подступах к столице. Вон, – она показала на валяющийся чуть поодаль обочины тесаный камень, – видите, в траве? Этот камешек-то с давних давин тут стоял. Даже надпись еще видна: «Прямо пойдешь – в град Елдин тебе скатертью дорога. Направо-налево пойдешь – поля потопчешь! Штраф 10 плетей». Эх, – вновь вздохнула Делли, – вот ведь незадача! Попробовать, что ли, десятой дорогой объехать? Там болота зыбкие да чащи буреломные, может, еще не успели Железный Тын поставить. – Она с сомнением поглядела по сторонам. – Поехали, други мои верные. Тут недалеко развилочка должна быть.

Как и обещала фея, развилка появилась совсем скоро, минут через пятнадцать пути. Возле нее нас понуро встречал очередной поваленный камень и новый указатель с четкой, весьма лаконичной надписью: «Здесь – нельзя! А там можно!» Для тех, кто не верил, что «здесь – нельзя», поперек дороги был вырыт глубокий ров, позади которого высился частокол с наблюдательными остроконечными башенками.

– Ну конечно же! – хлопнула себя по лбу фея. – Болота мурлюки в первую очередь к рукам прибирают!

– Зачем? – с нескрываемым недоумением поинтересовался я.

– Жаб разводить! – отмахнулась Делли. – Потом расскажу, сейчас недосуг!

– А может, этих мурлюков типа колдануть всех к чертовой матери? – предложил Вадюня, недовольно глядя на невесть откуда взявшийся укрепайон.

– Не выйдет, – прикусила полную губку фея. – У них на волшебство реакция неадекватная. Никогда не знаешь, что получится. Возьмешься, скажем, ров заравнивать, а он только глубже делается, или, того хуже, в новый каменный кряж оборачивается. У них волшебство свое, нам чуждое. Ладно, – она с тоской посмотрела на перегороженную дорогу, – толку на месте стоять нет никакого. Стой не стой – ничего не выстоишь. Поедем в сторону «там можни». Повезет, субурбанский караван встретим, с этими всегда легко договориться. Ну а не получится, придется думать, как Кербера перехитрить. Иначе нам из-за Тына не выбраться.

Мы вновь пришпорили коней. Железный Тын уже темнел вдаль, являя собой ту самую линию горизонта, до которой, вопреки расхожему мнению, вполне можно было добраться. Уже издаലെка на железном переплетении красовались белые стрелки, указывающие на зарешеченные ворота с приоткрытой калиткой. «Там можно» – гласила надпись на табличке над воротами.

– Здесь остановимся, – мрачно скомандовала фея, указывая на лесок, каким-то чудом устоявший при возведении Тына. – Подождем, пока субурбанцы появятся. Они тут все время шастают.

– А может, попробуем прорваться? – чтобы немедленно оправдать высокое звание витязя, предложил Вадюня.

– Прорваться? – Пунцовые губы феи сложились в печальной усмешке. – Хорошая затея. Ну-ка. – Она подняла взглядом валявшийся на земле камешек и пулей запустила его в вожденную дверь.

– У-у-а-у-я! – раздалось из-за калитки, и перед нашими взорами явилось нечто, должно быть, состоящее в отдаленном родстве с собакой Баскервилей. Только раза в полтора крупнее, с тремя головами и истерично шипящей гадюкой вместо хвоста.

– Прошу любить и жаловать, – грустно отрекомендовала фея. – Кербер. Ни оружие, ни чары его не берут. Никогда не спит, и задобрить его можно лишь ярлыком с печатью главного майора. Как прорваться будем?

Глава 3

Сказ о том, что сколько волка ни корми, а своя рубашка ближе к телу

Что и говорить, если у кого-то и была охота связываться с громогласным вырожденком собачьего племени, то этот загадочный некто не входил в состав нашей следственной группы. Самое время было остановиться, осмотреться и измыслить способ проникнуть на ту сторону.

Пристальный осмотр местности не дал сколь-нибудь утешающих результатов: дрожащие осины, плакучие ивы, мрачные безжизненные дубы, короче, безрадостный слабоизрезанный ландшафт, без каких-либо намеков на существование обходных путей этой невесты откуда взявшейся преграды. Оставалась сама непреодолимая стена, вернее, ряды палаток, лавок и лабазов, наскоро сооруженных у ее основания. Как бы то ни было, но существование противоестественной железной границы весьма способствовало торговле в ее окрестностях. На продажу шло все, что попало, и, похоже, никого не интересовало, как именно это «все» попало в руки торговцев. Редкие зеваки бродили между лавками, больше разглядывая предложенный товар и точа ласы со скучающими приказчиками, чем примеряясь что-нибудь купить. Между праздной публикой, лениво поглядывая за порядком, прохаживались стражники в зеленых шлемах и при перначах.

– Пограницы, – понижая голос, произнес Ратников, глядя на патруль, остановившийся у объемистой бочки, хозяин которой время от времени выходил из задумчивости и орал во все горло, точно ужаленный: «Медовуха-сбитень-квас! А кому медовуху-сбитень-квас!»

– Вероятно, – подтвердил я, созерцая, как хранители государственного покоя, между делом беседуя со сбитенщиком, отхлебывают кто из чары, кто из ковши рекламируемые напитки, явно забывая при этом осчастливить радушного поильца чем-то вроде оплаты.

– Видать, стражников из местных набрали, – тоже тихо проговорила Делли, ловя мой взгляд. – Мурлюки обычно платят.

– Я вот че думаю. – Вадим потер пальцами переносицу. Жест, означающий у него высокую степень мыслительного процесса. – Те, кто у границы живет, конкретно всегда с зелеными вась-вась. Ежели им отлистать, они типа все по понятиям перетрут, ну и чисто вот.

– Это верно, – вздохнула фея, – да только как же пройти и сказать, что нам на ту сторону нужно? Лично я так не могу.

– Да ну, делов на полпирожка! – приободрился славный витязь, радуясь возможности покрасоваться перед прелестной чародейкой. – Подождем, пока патруль отвалит, и обо всем добазаримся.

– В каком смысле? – не совсем понимая, о чем говорит мой помощник, переспросила фея.

– В смысле, все путем, я конкретно отвечаю за базар! Все будет тип-топ! – разводя плечи, пояснил Вадюня.

– А-а, – кивнула Делли, уловившая из речи могучего всадника лишь то, что решение вопроса с базаром берет на себя он лично.

Ждать пришлось недолго. Утолив жажду, стражники по очереди дружески хлопнули сбитенщика по плечу и, продемонстрировав нам спины, затянутые в кожаные с нашитыми пластами куртки, отправились блюсти порядок в противоположный конец торговых рядов.

– Ну че, Клинь, пора? – вопросительно глядя на меня, прошептал Вадюня, должно быть, ожидавший моего приказа.

– Работаем, – кивнул я, давая соратнику возможность действовать по своему усмотрению. Что и говорить, проведя последнюю пару лет в странствиях, он чувствовал себя во всем, что касалось пересечения границ, как рыба в воде.

– В общем, так, – скомандовал Вадюня, перехватывая руководство группой, – я вхожу в лавку. Клинь, ты чисто прикрываешь меня в дверях, а м-м... вам... вы, если несложно, – Ратников, вполне имевший возможность оценить магические способности нашей спутницы, явно робел перед ней и никак не мог решить для себя, как же ее величать, – ну, короче, побудьте пока на улице. Если зеленые нарисуются, промаякуйте.

– Хорошо, – любезно кивнула фея, соглашаясь с просьбой Вадима.

Я явственно себе представил, как, заведя вдали приближающихся стражников, урожденная чародейка делает очередной жест рукой, и откуда ни возьмись в тесном проходе между лавками возникает маяк и начинает, мигая, разрастаться, круша каменными боками хлипкие лабазы и истерично завывая на всю округу. Дай бог, все же обойдется! Памятуя о неадекватной реакции мурлюков на волшебство, еще неизвестно, что может из этого получиться!

Крайняя лавка, к которой мы направили свои стопы, вернее, наших необычных скакунов, гордо именовалась: «Святая Земля». Под вывеской, носящей это высокое имя, висела вторая – то ли лозунг, то ли вообще девиз хозяина торгового заведения: «Ни пяди земли даром!» Завершал надпись восклицательный знак, почему-то в виде поднятого меча с сильно загнутой к острию ветвистой крестовиной.

– Это что за эмблемка? – тихо шепнул я Делли, по-прежнему восседавшей в седле передо мной.

– Кажется, нам повезло, – столь же тихо отозвалась она. – Это символ бога Нычки. Он означает, что здешний лавочник выходец из Субурбании.

Честно говоря, не знаю, что же это нам давало. С момента нашего появления в волшебных краях фея уже не раз упоминала субурбанцев, так и не удосужившись пояснить, чем же они лучше других. Однако хорошо ли, плохо ли, но отступать было некуда. Хозяин лавки, невысокий чернявый живчик с безразмерной улыбкой и хитрыми темными глазами продувной бестии, уже воздвигся на пороге с воркующе-нежным:

– Заходите-заходите! Давно ждем! Чем могу служить?

Могутный витязь Вадим Ратников без суматохи спешился и, оставив мне свое многозарядное копье, вошел в лавку. Я замер на пороге, удерживая дверь открытой. Да и то сказать, помещение давно требовалось проветрить. На вид оно было сравнительно чистым и ухоженным, однако то там, то здесь на выметенном полу виднелись кучки земли, должно быть, просыпавшиеся при заключении сделок, и запах стоял ну разве что самую малость свежее, чем в погребке.

– Выбирайте, гости дорогие, – приплясывая вокруг единственного покупателя, повторял хозяин. – Выбирайте, товар на любой вкус! Хотите, есть горсть отчей землицы. – Он повнимательнее пригляделся к гостю, пытаясь по доспеху и мечу-кладенцу определить, откуда родом добрый молодец. – Вот есть Грусь Золотая, вот Зеленая, вот супесь из Красного Пояса. Вот наш субурбанский черноземчик, очень рекомендую. Если есть особые пожелания, могу и редкие виды предложить: и из Империи Майна кое-что имеется, и недавно партию из-за Хребта доставили. На любой вкус, чего пожелаете!

– А что-нибудь покрупнее? – склоняясь над торговцем, пробасил Вадюня.

– Желаете самозавоеванием? Есть чудные Забрежные земли...

– Ну, это ты слишком хватил! – Шишак моего напарника задвигался из стороны в сторону.

– Горшок с цветами? Клумба? Может, хотите курган насыпать?

– Вот это по теме, – согласно кивнул Ратников.

– Какой землей? – засуетился бойкий купец, за годы работы по интонации научившийся понимать смысл самых запутанных иноземных речей, особенно когда дело обещало хороший куш.

– Короче, мужик, – Вадим положил увесистую длань на плечо барыги, – земля мне нужна субурбанская. Но только так, чтобы типа не мне ее сюда притаранили, а меня с моими корешками типа туда.

– Ах-ха-а! – заговорщицки подмигнув хитрым глазом, закивал догадливый торговец. – Оно, конечно, ежели корешки тут, а надо там – это да! Тут вам не то, что там, тут корешки могут не прижиться. Да только как же их мимо Кербера без ярлыка провезешь?

– Да вот и я в натуре думаю, – глядя в пространство, как ни в чем не бывало заявил потенциальный покупатель.

– Да-а, Кербер пес серьезный, – обреченно протянул землеторговец, так, точно в ближайшие часы ему предстояло схлестнуться в рукопашной схватке со свирепой зверюгой. – Но и то сказать, жизнь у него собачья. – Он вздохнул и покачал головой. – А вот не желаете глины? Хорошая глина, можно горшки делать, а можно для безвестной могилки... Помните, как в песне: «Никто не узнает, где могила моя!» – завыл субурбанец.

Услышав знакомый мотив, я удивленно посмотрел на фею, восседающую на вороном Феррари. Та лишь кивнула, произнесла очень тихо:

– Субурбанцы ведают многими тайными знаниями, и никто не ведает, откуда они их получают.

Между тем птичья беседа Вадюни с обладателем тайных знаний продолжалась при полном взаимопонимании сторон.

– Ну типа глина вещь хорошая. Особенно ежели на горшки. Я у тебя чуток, пожалуй, прикуплю. Давай так, забашляю сейчас, а за товаром как-нибудь того, потом заеду.

Честно говоря, я с удивлением слушал проистекавшие на моих глазах торги. Сколько я ни старался, в голову мне не приходил ответ на вопрос: для чего в сложившейся ситуации нам может понадобиться глина? Разве что залеплять ею пасти Кербера. Но это, как говорится, затея утомительная и малоперспективная. Однако Вадим наверняка знал, что делает.

– Извольте, – вновь широко улыбнулся субурбанец. – Чем желаете башлять? Жабсами? Убитыми енотами¹? Или майнаскими мостиками?

– А по барабану! – памятуя о манере Делли расплачиваться, развел пальцы наш переговорщик.

– По барабану это звонко. – Улыбка торгаша стала еще шире, и кончики губ грозились сойтись в области затылка. – Сегодняшний курс: один жабс это майнаский мостик без пролета, либо пять с половиной субурбанских хвостней, или же тридцать один целый убитый енот, да еще хвост.

– Угу, – кивнул Вадим, несколько озадаченный местным курсом валют. – Во как! А тебе чем удобней?

– В жабсах, конечно. Или, на худой конец, в мостиках.

– Заметано! Почем просишь?

– Ну, думаю, десять жабсов будет почти даром. Глина-то первоклассная! – начал было торг купец.

– Я типа усек. Не гоняй ветер.

Вадюня протянул руку, и я, не задумываясь, запустил пальцы в кошель, появившийся на поясе вместо привычного кармана джинсовой куртки. К моему великому удивлению, там находилось множество аккуратно выделанных жабьих шкурок с естественным рисунком с одной стороны и тонко выписанным портретом какого-то мужика, предположительно одного из главных майоров, – с другой. Шкурки дважды перекочевали из рук в руки, торговец как бы невзна-

чай посмотрел их на просвет, нежно провел пальцем по майорскому горлу и, сбросив выручку в объемистую мошну, продолжил, как бы между прочим:

– За глиной, значит, вы потом заедете...

– Н-ну?! – Вадюня навис над словоохотливым торгашом.

– А я ничего, потом так потом. Я вот о Кербере как раз вам рассказывал, – безо всякого перехода продолжил он. – Ведь до чего ж жалко скотину, ведь тварь подневольная! Доброго слова ей никто не скажет. Зубья-то у него в пасти во-о, – землеторговец приставил ладонь одной руки к запястью другой, показывая ужасающую длину клыков монстра, – опять же лапы львиные с когтищами. Опять же аспид кусачий заместо хвоста аж ядом брызжет...

– Роднуля, – медленно начал Вадюня, прикидывая в уме, не использовать ли купленную землицу для затейливой могилки пустобреха, – мы типа видели.

– Ну да, конечно, – умиротворяюще развел руками говорун, отступая на шаг. – Я только хочу сказать, что держат-то его впроголодь. Я вот тут присматриваю, почитай уже неделю тварюга бедолажная ни одной пастью не жрамши. Сам желал подкормить, да к воротам идти боязно. Дай, думаю, у Тына косточку с мяском припасу, авось он примчится, хоть чуток пожует. Ну кто там через таможеню пролезет, пока он с тушкой-то разделяется? – Он искоса посмотрел на клиента, чтобы убедиться, что тот понял, о чем, собственно говоря, речь. – Да вот дел много накопилось. Если желаете, можете взяться. Косточка с мяском приготовлена. Без малого целая корова! Хотите – Кербера кормите, хотите – сами ешьте. А я недорого возьму.

– Нет, – повернулся на каблуках сафьяновых сапог витязь.

– От себя ж отрываю! – заволновался купчина. – По-нычковски отдам!

– Нет, – вновь повторил Вадюня. – За глину, того, спасибо. А косточку оставь себе, ни к чему она нам. – Он в полтора шага пересек лавку, оказался у порога, и синебокий с перламутром конь, точно приветствуя своего хозяина, разразился истерическим бормотанием и выкриками какого-то избитого жизнью рэпера.

– О-о-у! – Хозяин лавки, бросившийся преследовать ускользящую добычу, замер на пороге. – Какой скакун!!! Он у вас говорящий?

– Говорящий, – подтвердил я, загораживая путь не в меру активному торгашу.

– А на каком языке он умеет говорить? – напирал он.

– Любезный, ну ты думай, что спрашиваешь! Конечно же, на конском, – оттирал его я.

– Может, уступите? – вцепился, словно репей, барышник, поглядывая то на меня, то на Вадима, то на Делли и пытаясь сообразить, кто же в нашей троице отдает приказы.

– Конь не продается, – покачал головой я.

– Зря, очень зря! – выглядывал из-за моего плеча хозяин лавки. – Останетесь с хорошим наваром. Опять же кость бесплатно. У меня там, за Тыном, дядя думный радник самого государя. Ему словечко шепнете, он для вас все что угодно сделает.

– Нет, – вновь отрезал Ратников, вскакивая в седло. – У нас самих есть такие дядя, что ваши дядя им даже в племянники не годятся!

– Пойдите-пойдите! – начал было торгаш, но осекся, глядя вдаль уставленной лабазами дороги.

В нашу сторону двигался кортеж, сопровождаемый отрядом стражи. Впереди большой черной повозки, вероятно, заключавшей нечто весьма ценное, гарцевали люди в строгих черных одеяниях. У одного из них, должно быть, старшего, поверх плаща красовалась пелерина золотой парчи, у остальных всадников такое же украшение было крахмально белого цвета.

– Простите, – зачастил пройдоха-хозяин, – это ко мне. Я не могу с вами больше разговаривать. Если надумаете с конем и костомахой... заезжайте ближе к ночи, – не закончив фразу, он, едва не отбросив меня, выскочил из лавки и стал поясno кланяться подъезжающей кавалькаде. – Ми-илости просим! Ждем-с, ждем-с! Уже все глаза проглядели!

– Пора уносить ноги, – бросил я, цепляясь за луку седла. – Только стычки со стражей нам здесь и не хватало.

Прошел почти час с окончания нашего культпохода в лавку тороватого субурбанца. Мы вновь стояли в леске, неподалеку от ворот, прислушиваясь к голодному урчанию саблезубого монстра.

– Вадим, – начал я, опасливо косясь в сторону керберовского логова, – хочу спросить: почему ты вдруг отказался покупать кости для бедного песика?

– Ну на хрена они нам сдались? – пожал плечами соратник. – У меня в натуре собачий корм есть.

– Что?! – Я удивленно заморгал, глядя на горделивую улыбку предусмотрительного витязя.

– Собачий корм. Чисто пять сортов мяса, обжаренных до хруста, с ароматизаторами, витаминами, минералами и рекомендациями лучших собаководов. – Он небрежно расстегнул станковую переметную суму, по-прежнему находившуюся на спине Ниссана, и, запустив в нее лапищу, извлек два ярких шуршащих пакета с изображением блаженствующих друзей человека, пышущих энергией и здоровьем. – Вот. А вообще-то, как реально говорит Олег, кошки, откормленные «вискасом», лучшая пища для вашей собаки.

Тезис был спорный. Я лично знал одну кошку, которая довольно успешно пыталась съесть всех собак, на беду свою приведенных в квартиру ее хозяев. Но речь была совсем о другом.

– Господи, – я вопросительно посмотрел на Делли, точно интересуясь, каким волшебством в вещах человека, собирающегося в неведомое тридевятое царство, могли оказаться увесистые пакеты с собачьим кормом, – но откуда?..

– Из рюкзака, – не моргнув глазом, ответил Вадим. – Я ж конкретно помню, у нас в учебнике литературы картинка была: телка с фраером на сером волке.

– Ну и что?

– Как это что?! А еще собаки, которые типа на сундуках сидели? Ну эти, с глазами, как прожекторы.

– В смысле «Огниво»?

– В смысле оно, – охотно согласился Ратников. – Когда едешь в края, где таких тварей до фига и больше, типа лучше запастись кормом, чем стать кормом самому.

– Логично, – невольно согласился я, обеими руками поддерживая доктрину предстоящего путешествия. – Но только ты эту, с позволения сказать, собачку видел? У нее такие пакеты между зубами затеряются!

– Ни хрена! Перетопчется! Пусть в натуре радуется, что вообще жрать дали! Ну а на крайняк, че делать, пойдем купца трусить.

Я с сомнением посмотрел в сторону торгового заведения. Плотное оцепление мрачно-ликой стражи наводило на мысль, что в ближайшее время коммерческая деятельность предприимчивого субурбанца будет направлена только в одно, вероятно, весьма выгодное русло. За спинами оцепления было видно, как давешние всадники в черных плащах с белыми пелеринами, сгибаясь от натуги, перетаскивают тяжеленные железные ящики из повозки внутрь лавки.

– Не похоже, чтобы это была свежая партия импортного грунта, – пробормотал я, созерцающая странную картину. – Разве что в ящиках что-нибудь очень редкоземельное.

– Да ну, – отмахнулся Вадюня, – нам типа какое до них дело? Привезли и привезли. Давай чисто животиной займемся. – Он протянул мне один из шелестящих пакетов. – Маловато, конечно, две порции на три башки, но кто ж в натуре знал? Авось не передерутся!

– Что?! – Я едва не подпрыгнул от пронзившей мой мозг мысли.

– А че я такого сказал? – с удивлением уставился на меня младший Ратников.

– Сейчас объясню. – Уж не знаю, как это выглядело со стороны, но мне казалось, что глаза мои заблестели злорадным шальным блеском. – Открывай пакеты!

– Что ты задумал, Виктор? – очевидно, уловив в моем тоне не совсем обычные нотки, поспешила осведомиться Делли.

– Ты на рынке собак видела? – заговорщицки спросил я, улыбаясь сам не знаю чему.

– Конечно, – удивленно подтвердила фея.

Как и на всяком базаре во все времена и во всех известных мне теперь мирах, в импровизированных торговых рядах возле Железного Тына водилось множество разнообразных беспородных шавок всех мыслимых цветов и размеров. Судя по увиденному, они беззлобно бродили от лавки к лавке, сторонясь покупателей и выпрашивая у хозяев лакомый кусочек. Правда, если кому-нибудь таковой перепал, вся стая устремлялась к добытчику за своей долей и тут уж начиналась невообразимая возня с рычанием, лаем и визгом. В эти минуты тесниться поближе к лабазам с их крепкими дверями приходилось уже прохожим.

– Готово! – воскликнул Вадим, протягивая мне открытый пакет с «ароматным, калорийным и очень вкусным кормом для вашей собаки».

– Вот и славно, – кивнул я. – Делли, ты не могла бы, м-м... как бы это поточнее выразиться, силой мысли извлечь из упаковки корм и разбросать его дорожкой от ворот до черной повозки?

– Легко! – самодовольно улыбнулась вдохновенная кудесница, и «обжаренные до хруста» подушечки выпорхнули из упаковки и стремительно полетели в указанном направлении.

– Великолпно! – заверил я нашу очаровательную нанимательницу, удовлетворенно наблюдая, как носившаяся без дела стая остановилась, насторожилась, озабоченно втянула десятками чутких носов обещанный фирмой-изготовителем аромат и начала безостановочное движение в сторону ворот. – А теперь, – я по-мефистофельски скривил губы, – высыпь, пожалуйста, все содержимое второго пакета, ну, скажем, на во-он тот ящик. А последнюю жменю, – моя ладонь зачерпнула кучку коричневых кусочков, – кинь в калитку. Чтоб уж наверняка.

Еще мгновение – и второе мое поручение было выполнено с не меньшим блеском, чем первое. Легкий кормовой град застучал по дверям местного КПП в то же самое время, когда остальные без малого четыре килограмма, словно манна небесная, плюхнулись на крышку очередного ящика, перетаскиваемого пелеринистыми носильщиками.

...Кто видел пролет команды рокеров на свирепо ревущих «харлеях» по ночной трассе, тот может представить себе пусть и слабое, но все же подобие произошедшего в следующую минуту. Окованная железными полосами дверь караульного помещения распахнулась и, изрыгая утробный вой тремя клыкастыми пастями, из него вырвался Кербер, одним движением глотая высыпанный на дороге корм. Однако жестокий закон конкуренции, как ни крути, как ни выходи из себя, – высшее право в царстве хищников. Высшее и непреложное, даже если три оскаленные пасти, истекающие обильной слюной в предвкушении долгожданного лакомства, имеют единый желудок. Кербер, пружиня мощными лапами, несся вперед, немилосердно хлеща себя по бокам злобно шипящим хвостом, с каждым шагом приближаясь к замершей в ужасе шеренге стражников, оцетинившихся остриями пик.

С другой стороны к «Святой Земле» с оглушительным разноголосым лаем несло в полном составе все собачье население базара, в единой надежде выхватить заветный кусочек из-под носа у чудовища. Но тут левая голова монстра, дернувшись в стремительном броске, подхватила с земли очередную порцию сухого пайка, причем как раз в тот момент, когда центральная голова пыталась сделать тот же нехитрый маневр. «Щелк!» Клыки Кербера, как верно подметил землеторговец, длиной с мужскую ладонь, немилосердно впились в ухо одной из его собственных голов. Та яростно взвизгнула и, должно быть, горя желанием отмстить обидчице, немилосердно вцепилась в ближайшую ногу. Озадаченный хвост, вероятно, содержащий

в маленькой змеиной головке все имеющиеся в наличии мозги страхоидолица, остервенело шипя, бросился жалить обе передравшиеся головы, надеясь восстановить нарушенный порядок движения. При этом визжащее, урчащее и ревущее от боли и ярости чудовище продолжало двигаться вперед, правда, теперь более вращаясь волчком, но все еще не теряя надежды добраться до лакомого приза. Раздалось сдавленное шипение, и тотчас же затихло. Третья морда, до сих пор не принимавшая участия в сваре, должно быть, также чувствуя боль от змеиных укусов, изловчилась вцепиться в шею аспида и намертво сжать челюсти. Наверное, этот ловкий захват также доставлял существу весьма малоприятные ощущения, поскольку, не разжимая клыков, оно взвизгнуло всеми тремя головами одновременно и, по инерции продолжая поступательное вращение, ломая выставленные пики, врезалось в цепь стражников, точно футбольный мяч в флангу оловянных солдатиков.

Псы покрупнее мчались к Керберу, горя желанием поучаствовать в славной потасовке. Мелкие собачки, ныряя у них между лапами, проползая под брюхом, пытались схватить валявшийся корм, прибавляя паники, суматохи и надсадного визга в общую неразбериху. Стража, как могла, пыталась навести порядок, но, честно говоря, могла она слабо. Да что там, попросту не имела никаких шансов! Однако, как ни интересно было досмотреть, чем же закончится устроенный нами дебош и столпотворение, настало самое время воспользоваться сладкими плодами победы.

– Вперед! – скомандовал я, указывая на открытую настежь калитку. – Дорога свободна!

Для вороного жеребца Феррари преодолеть расстояние, отделявшее лесок, служивший нам убежищем, от злополучных ворот, было сущей безделицей. Да и перламутрово-синий Ниссан, перенесшись в этот мир, тоже не утратил способности развивать скорость в 100 км/ч за семь секунд. Не успел бы сторонний наблюдатель прокричать: «Они убегают!», как хвосты необычайных скакунов скрылись в темном проеме калитки. Еще миг – и, надеюсь, более гостеприимная Субурбания встречала нас разноголосым криком собравшейся по ту сторону Тына пестрой толпы.

– А что, уже пропускают? – несло с одной стороны.

– Кербер нынче как, не лютует? – кричали с другой.

– Да тише вы! – орала во все горло третьи, стараясь перекричать обе стороны. – Как там, ставки мзды не повысились?

– Требуй, чтобы они дали дорогу, – прошептала мне Делли. – И ни за что не отвечай на вопросы. Просто не обращай на них внимания.

– А ну расступись! – безапелляционно закричал я, сдвигая брови на переносице. – Кому сказано – расступись! Прижмитесь к обочине! – приказывал я заученно милицейским тоном. Субурбанцы, вероятно, считая такое поведение в порядке вещей, послушно расступались, прижимались к обочине, глядя на неизвестного крикуна с явно незаслуженным почтением.

– Гаплык вашему Керберу! – услышал я за спиной горделивый выкрик Вадюни. – Хрен он очухается!

– О-ой! – протянула фея. – Что сейчас будет!

Делли знала, о чем говорила. Знала, как и тогда, когда рекомендовала не отвечать на вопросы. Тысячная толпа, услышав неожиданное сообщение, ополоумев, взвыла и, теряя к нам интерес, ринулась на штурм, сметая кучку представителей верховной власти, даже с земли требующих заплатить положенную мзду на кормление Стража Ворот.

Наверняка, если перед учеником младших классов поставить задачу выяснить, сколько человек сможет пройти за пять минут в не слишком широкие ворота, вроде тех, через которые мы прорвались, он без труда вычислит ответ. Однако можно с уверенностью сказать, что с реальностью полученный результат не будет иметь ничего общего. Вся клубившаяся у заветной лазейки на ту сторону народная масса растаяла в считанные мгновения, оставив на память

о себе лишь несколько шляп, оторванных подметок и прохудившихся лаптей, непригодных даже для хлебания щей. Да еще нескольких отъявленных неудачников, схваченных за шкуру подоспевшими стражниками.

Один из этих несчастных, с берестяным коробом на плечах, пытался вывернуться и дать деру, но рука солдата, соскользнув, вцепилась в плетеную крышку... рывок – и горе-беглец, все еще перебирая ногами в воздухе, рухнул наземь, усеивая землю вокруг себя зеленоватыми выделанными шкурками с уже знакомым мне портретом мурлюкского главного майора.

– Поехали! – решительно скомандовала Делли, сворачивая с дороги. – Не останавливайтесь!

Между тем стражники схватили жабсовладельца под белые руки и, подобрав с земли все до единого разбросанные купюры, без лишних церемоний поволокли его в им лишь известном направлении, не обращая ни малейшего внимания на громкоговорные уверения бедолаги о том, что за все уплачено.

– Давайте-давайте! – торопила нас фея. – Нет времени засматриваться. Вон видите – траншея? По ее берегу и пойдем.

– Траншея? – удивился я словечку столь привычному для уха любого служившего в армии, но, пожалуй, несколько необычного в устах, так сказать, фольклорного элемента.

– Ну да, – не отрываясь от созерцания выбранного пути, подтвердила Делли. – Траншея. Вы что, слова такого никогда не слышали?

– Да че там, – пожал плечами Ратников. – Траншея – это типа вроде окопа. Канава такая.

– Какая же это канава? – не на шутку удивилась фея. – Траншея – это финансовый канал под Великим Железным Тыном, через который поступают транши.

– Что?! – переспросил я, едва удерживаясь в седле от такого сообщения. – Что куда поступает?

– Все объяснять надо, что детям несмысленным, – горестно вздохнула кудесница. – Транш – это такой железный ящик, наполненный жабсами. Транш опускают в траншею и по вальцам катят в столицу. Вот смотрите. – Она указала на длинный и довольно глубокий ров, начинающийся от самого Тына и прямой, как стрела, линией, уходящий за горизонт.

Там, где траншея упиралась в Тын, возле нее сустились несколько десятков работников, похоже, не обращавших ни малейшего внимания на царившую неподалеку смуту. Часть из них что-то копала, кто-то отдавал распоряжения, еще кто-то укладывал на дно круглые бревна-вальцы, по которым надлежало волочить транши, оставшиеся, не поддаваясь на провокации обезумевшей толпы, несли караульную службу. Я невольно прикинул расстояние от калитки до траншеи, продлил прямую по ту сторону возвышающейся под небеса преграды и с удовлетворением отметил, что заканчиваться этот «финансовый канал» должен был как раз в подполе «Святой Земли». То-то в лавке так погребом воняло!

– А что, в натуре, – Вадюня подъехал к самому краю траншеи и, оценив ее глубину и ширину, не замедлил поинтересоваться: – По дороге на колесах не проще было бы?

– Не проще, – покачала головой фея. – Во-первых, мой славный витязь, вся земля в Субурбании чья-то. Конечно, много чего принадлежит государю, но далеко не все. А на своей земле каждый волен вести дорогу, как ему заблагорассудится. А благорассудится им дороги прокладывать вкривь и вкось, потому что если что с воза упало, то это уже достояние хозяина земель. А кроме того, на каждом извиве дороги можно особого служивого человека поставить, который за извив будет отвечать и за малую мзду всякому страннику разъяснять, как до следующего такого же служивого доехать без препон. Так что прямоезжих дорог в Субурбании отродясь не водилось, и если по бережку траншеи до столицы день пути, то дорогой, пожалуй, все пять будет.

– И че, в натуре по-другому нельзя? – обескураженно выдавил прирожденный лихач.

– Отчего же нельзя? – пожала плечами Делли. – Можно. Надо только в столице прийти к верховному уряднику Путей и Перепутий и тот за соответствующую мзду выдаст прирученную сову, которую следует посадить либо промеж ушей коня, либо на крыше кареты, и она, ухая да вращая глазами, будет всех оповещать, что едет особенно важное лицо, которое мзду кому надо аж на самом верху платит. Но такая сова дорогого стоит! – Она невольно тяжело вздохнула, что, пожалуй, было лишним подтверждением ее слов о дороговизне ручных сов. – Не наши птички. У мурлюков закупают.

– Ну хорошо, – меняя тему, начал я, – с дорогами более или менее разобралась. Но это первая причина. А еще какие есть?

– Еще, – Делли чуть повернулась ко мне и охотно продолжила легкий дорожный треп, с удовольствием исполняя роль гида в столь странных государствах, – как я уже говорила, земля в Субурбании вся поделена между хозяевами. Но только на сажень в глубину. Все, что ниже, государево владение. Здесь, – фея указала в глубь траншеи, – не менее двух саженей. Транш идет по государевым владениям, а стало быть, никакой мздой не облагается.

– А если кто из хозяев не захочет, чтоб по его земле проходила траншея? – живо поинтересовался я.

– Пожалуйста, это сколько угодно, – усмехнулась наша спутница. – Имеет полное право. Копать-то по государственной земле все равно будут, да только без крепей, так что все, что было наверху, очень быстро окажется на пару саженей внизу. А это уже, – она подняла большой палец, – земля государева.

Она хотела еще что-то добавить, но не успела.

– Стойте! Стойте! Приказываю немедленно остановиться!

Наперерез нам, на белом коне с диковинной, постоянно ухающей совой между ушами, мчался тучный всадник с копьём, обвешанным конскими хвостами. Еще около сотни кавалеристов, правда, уже без сов, вылетев из маячившего неподалеку леса, широкой дугой охватывали нас, прижимая к краю траншеи.

– Приказываю остановиться! Вы арестованы!

Глава 4

Сказ о мудрых заповедях бога Нычки

Летевшие галопом верховые все приближались, и я уже мог разглядеть меч с ажурной изогнутой к острию крестовиной, вышитый на их васильковых плащах.

– Ну че, Клин, – Вадюня поудобнее перехватил копье, носившее подобно древнему рыцарскому оружию гордое имя Мосберг, – пробьемся?

– Не выйдет, – разворачивая коня к траншее, резко бросил я. – Их слишком много. К тому же, судя по плащам, это местная полиция.

Уж не знаю, воспитанное ли в Университете Внутренних Дел почтение к закону или же внутренняя солидарность с его хранителями, но что-то настоятельно мешало поднять руку на «своих». Тем более что никакого оружия у меня с собой и не было.

– Попробуем оторваться, – скомандовал я, и наши кони, сделав для разгона небольшой крюк по лужайке, без особых усилий перемахнули через ров.

Всадники за спиной приостановились, понимая, что повторить подобный маневр – значит рисковать свернуть себе шею. Я поднял большой палец, радуясь превосходству передовых технологий над живой лошадиной силой.

– Теперь не достанут!

Вадюня согласно кивнул головой и замер, вытаращив на меня глаза, точно шагнув через ров, я превратился в неведомую зверушку.

– Клин, а фея типа где? – часто моргая, проговорил он.

Я дернулся, ощупывая седло позади себя, только сейчас почувствовав, что место, занимаемое Делли, внезапно опустело.

– Проклятие! Только что была!

– Может, свалилась, когда мы прыгали? – сдавленным голосом предположил Ратников.

– Немедленно сдавайтесь! – вновь заорал настырный преследователь, потрясая диковинным оружием, словно шаман магическим посохом. – Я могущественный властитель правого берега реки Непрухи Юшка-каан, думный радник короля Субурбании Барсиада Растрепы, глава Союза кланов Соборная Субурбания. Именем законов королевства и благих заповедей всемудрейшего бога Нычки повелеваю вам спешиться и, сложив оружие, покорно ждать своей участи.

– Не крутовато ли забираешь, фраер жеваный?! – наводя острие копья на крикуна, презрительно бросил Вадюня.

– погоди палить, – остановил его я. – Надо узнать, где Делли. Если она сорвалась в ров, то могла сильно ушибиться, возможно, ей нужна помощь.

Я шагом повел коня обратно к краю траншеи, не столько намереваясь вступить в переговоры с громогласным сотрясателем воздуха, сколько желая взглянуть, не лежит ли на дне наша очаровательная спутница.

– Мы иноземцы. Направляемся в Золотую Грусь ко двору короля Базилея по его приглашению, – гордо изрек я, приближаясь ко рву и опуская глаза вниз в поисках Делли. Волшебство волшебством, но вылететь из седла на полном ходу и приложиться спиной о бревна-валыцы – дело не из приятных и навсегда может отбить охоту к жизни. Взглянул вниз, влево, вправо – пустая затея! Фея отсутствовала.

– Если вы иноземцы, потрудитесь предъявить ваш проездной ярлык, – не задумываясь, выпалил мой оппонент, вновь поднимая копье и делая им замысловатые па в воздухе. – К тому же в любом случае это не дает вам право нарушать законы Соборной Субурбании!

Признаться, сейчас никакие законы Соборной Субурбании, впрочем, как и она вся, меня не интересовали. Ситуация складывалась наиглупейшая: два человека совсем из другого мира оказываются бог весть где и выглядят, как две белые вороны в стае канареек. А наша, с позволения сказать, работодательница растворяется, не оставив на память о себе ничего, кроме вороного красавца Феррари. Впрочем, и на том спасибо, не хватало, чтобы и он исчез в тот момент, когда я перепрыгивал на нем «финансовый» канал.

– Клин! – раздался за моей спиной негромкий оклик Ратникова.

– погоди, – отмахнулся я, – сейчас попробую все уладить.

– Клин! – Голос собрата по оружию на этот раз прозвучал требовательнее.

Я обернулся:

– Ну что еще?!

Полсотни «еще» стояли за моей спиной, держа стрелы на тетивах и ожидая приказа от беседующего со мной Юшки-каана.

– Ну, вот и приплыли, – пробормотал я себе под нос. – Кажется, следствие зашло в тупик.

Сопротивляться дальше не имело смысла. Не думаю, чтобы стрелы этого мира были менее губительны, чем те, которыми пользовались когда-то у нас.

– Ладно, ваша взяла, – крикнул я, спрыгивая с коня.

Вадюня неохотно последовал моему примеру, хотя по всему было видно, что сдаваться без драки ему вовсе не по нраву.

– Блин горелый, какая падла Ниссана обидит, морду на портянки располосую, – выразительным взглядом обводя лучников, произнес он, вероятно, втайне надеясь, что кто-нибудь из злобных вражин попытается искутить судьбу. Желаящих не нашлось. – И со шмотками типа поаккуратнее! – уже без особого энтузиазма добавил он. Лучники согласно закивали. – Ну е-мое, – мрачно скривился Ратников, – ну что за страна?! Что за люди?!

Черный Феррари и перламутрово-синий Ниссан неспешно трусили за повозкой, на которой возвышалась деревянная клетка. Впрочем, довольно комфортабельная, с парой грубо сколоченных топчанов и линялым дерюжным занавесом, превращающим наше безрадостное обиталище в отдаленное подобие цыганской кибитки. Уж не знаю, настоящая ли просьба Вадима или же какие иные причины побудили тюремщиков вести себя корректно, если не сказать дружелюбно, но факт оставался фактом. С извинением изъяв «на хранение» оружие и проверив содержимое переметных сум, аборигены без лишнего шума вернули нам вещи. Убедившись же в кредитоспособности арестантов, и вовсе приветливо заулыбались и, весьма тактично прося не держать зла за временные неудобства, проводили в загоня приготовленный экипаж.

Вообще предусмотрительность местных властей вызывала восхищение, граничащее с изумлением. Стоило лихой троице пересечь границу Субурбании, как на тебе: ловко подстроенная засада сыскалась во главе с целым думным радником. И тюремная карета припрятанная, как рояль в кустах. Мысль, конечно, бредовая, но очень похоже, что нас тут ждали. Хорошо бы выяснить, с чего вдруг?

– Эй, приятель! – тихо окликнул я добродушного на вид седоусого стражника, трясшего рядом с нашей клеткой на специальном сиденье. – Можно у тебя кое-что спросить?

Не моргнув глазом, недреманный страж вытащил из-за пояса, вероятно, заранее заготовленную табличку с надписью: «Я всего лишь охранник и не имею права с вами разговаривать».

– А если?.. – Вадюня воспроизвел выразительный и всем понятный жест, потирая пальцем о палец.

Молчальник без лишних слов протянул к решетке руку ладонью вверх.

– Интересно, – произнес я тихо, чтобы слышал только Вадим, – сколько стоит развязать ему язык?

– Клинь, не скупись, – так же тихо ответил Ратников. – Отлистан хрустов в натуре! Будет мало, попросит еще.

Я засунул руку в кошель и протянул алчному караульному шероховатую на ощупь шкурку. Глаза бдительного аргуса округлились, он на ходу спрыгнул с повозки и стремглав умчался в неизвестном направлении.

– Кажется, он типа того, дезертировать решил, – глядя вслед беглецу, сказал Ратников, сплевывая сквозь прутья решетки. – Нет, ну что за люди?!

Вопреки очевидности, подозрения моего приятеля оказались безосновательными. Примерно через полчаса стражник вернулся, но уже не один, а с товарищем. Правда, теперь он был почти без оружия, остался лишь длинный кинжал у пояса, зато вместо боевого топора и круглого щита в руках у него красовался раскладной деревянный стульчик с цветастой подушкой. Повозка притормозила, и стража вновь разместилась у дверей. Только сейчас на караульной сидухе располагался его собрат, а наш старый знакомый торжественно восседал на принесенном стуле.

– Премного благодарен, – устраиваясь поудобнее, произнес он. – Вы весьма мне помогли.

– В каком смысле? – Я удивленно уставился на охранника, явно решившего расстаться с вынужденным обетом молчания.

– Как это в каком? – заулыбался седоусый ветеран. – Ведь кто я был?

– Распоследний домовый! – цитатой из любимого мультика озорно отозвался Вадим.

– Нет, ну какой же я домовый. Вы посмотрите лучше, – отчего-то расстроился он. – Я был стражником. А стражник не имеет права разговаривать с заключенными. Вы мне мзду дали, я ее куда след доставил и получил почетную грамоту, где черным по белому сказано, что отныне я считаюсь в почете, как ретивый толмач Посольского уряда. Вот вы родом откуда?

– Из Кромента, – честно сознался я.

– Из Кромента-а? – озадаченно повторил свежее испеченный толмач. – Никогда ранее не слыхивал. Ну, это и к лучшему. Стало быть, на весь Посольский уряд будет единый, как перст, толмач с кроментацкого. Тут и в укладники кроментацкой управы выйти можно. А там – о-о!..

– погоди, приятель, – оборвал я полет чиновничьей мысли будущего главного спеца по кроментацким вопросам в МИДе Субурбании, – мы еще с тобой о грядущих делах потолкуем. Расскажи-ка лучше, чего это вдруг вам вздумалось нас арестовывать?

– Ну, так ясное дело, – отозвался толмач. – Сам пальцы загибай: без ярлыка в Субурбанию въехали – это раз; смуту у ворот подняли – это два. А в результате той смуты трех государевых мздоимцев потоптали и вельмосановных отцов-кормильцев кербровых в тычки прогнали. Прихвостневому уряду опять же великий урон нанесен.

Толмач говорил вполне искренне, но как я ни силился, суть его слов оставалась для меня темной. Была бы Делли... Мысль о ее исчезновении не давала ни мне, ни Вадиму покоя. Но, оставаясь взаперти, мы, увы, ничего не могли сделать, чтобы разыскать пропавшую фею. Одно было ясно: не исчезни она столь загадочно, возможно, ни с ярлыками, ни с иными обвинениями у нас бы проблем не возникло.

– Затем, гни третий палец, когда сам господин думный радник велел вам остановиться, что вы сделали? – Он пылливо посмотрел на меня, словно желая узнать нечто особо тайное. – То-то же, в бега пустились. А следовало стоять и дожидаться, коли вы честные путники. Это, я вам скажу, недешево обойдется! Кроме того, – толмач понизил голос, – сигнал на вас поступил, мол, вы препятствовали доставке траншей в Субурбанию. Тут уж... – Он покачал головой и махнул рукой. – В общем, плохо ваше дело.

– Постой-постой! – прервал я бывшего охранника, явно желавшего еще что-то добавить к сказанному. – Мы, как ты понял, издалека приехали. Законов и обычаев ваших не знаем. Не мог бы ты, пока суд да дело, растолковать, что тут к чему?

– Отчего же, – пожал плечами субурбанец, – это, можно сказать, моя обязанность – растолковать вам, что да к чему. Оно, конечно, болтают: у нас, мол, отсутствие закона не освобождает от вины да расправы, но на деле-то законы у нас божеские. А как говорил всемудрейший бог Нычка в своей первой заповеди: «Живи сам и дай жить другим. Да воздастся тебе!»

Мы с Вадимом озадаченно переглянулись. Ни ему, ни мне прежде никогда не доводилось слышать о таком всемудрейшем демиурге и его, впрочем, отнюдь не лишенных смысла заповедях.

– Слышь, братела, – первым прервал затянувшуюся паузу Ратников, – а чего этот крендель...

– Мой друг хотел бы побольше узнать о вашем всемудрейшем боге, – оборвал я тираду сотоварища.

– В натуре, – согласно кивнул он.

– Вообще-то, – с сомнением в голосе заговорил приставленный к нам чиновник, – сеять в души страждущих истинный свет всемудрейшего учения – дело Храмового уряда. Но ежели... – Он замялся, вновь протягивая руку. – В жабсах совсем недорого.

Очередная шкурка, сопровождаемая выразительным взглядом, переключалась в ладонь кровопийцы, и он вновь на какое-то время исчез. Вернулся беглец опять через полчаса, уже без мебели, но теперь с тонкой цепью поверх одеяния, на которой красовался золотистый ажурный знак, похожий на те, что были вышиты на плащах местной полиции.

– Вот, теперь я еще и младший брат-словоносец. – Он продемонстрировал трехрогую эмблему своего сана. – Тоже, скажу вам, должность неплохая. Доберемся до Елдин-града, обменяю на чин завзятого подстольника в Посольском уряде. – Он удовлетворенно огладил усы. – В общем, слушайте, сейчас я скоренько наставлю вас на путь истинный. В незапамятные времена, когда и памятовать было некому, во всем мире царил полный Хаос. Что только вокруг не творилось! Ничего не творилось! Бывало, только попробует сотвориться, а оно уже вдруг – бац, и что-то другое. Но был бог Нычка! – Младший брат-словоносец воздвиг указательный палец перед нашими носами воплощением единичности всемогущего творца. – И он разъял, – палец начал колебаться из стороны в сторону, – небо над головой и солнце. И собрав все, что только было в Хаосе полезного, создал Субурбанию и разместил над ней солнце в голубом небе. Землю он заселил любимым своим народом, именуемым субурбами, что в древности означало «боровшиеся вместе». Ну да, – вдохновенный проповедник кивнул, заметив недоумение слушателей, – наши давние предки дельным советом помогали всемудрейшему богу Нычке отделить дурное от полезного и ложное от истинного. С тех пор субурбанцы так мудры и миролюбивы. Ну а потом из того, что оставалось от Хаоса, вокруг Субурбании налипло всего понемногу... На севере вон Грუსь прилепилась, на западе Гуралия с ее драконами, Стрессильвания, на юге за морем Тюрбания, да вы вот еще где-то уместились. Мурлюки откуда-то взялись, так что и из Хаоса кое-какая польза проистекла. Во-от, – протянул он. – А когда субурбанцы набрались мудрости от каждодневного почтительного вкушения крупниц знания Его, – указательный палец брата-словоносца снова взмыл вверх, – они стали вопрошать Творца, как им жить дальше? Каким путем ступать, чтобы идти от свершения к свершению, от победы к победе? И тогда в помощь своим возлюбленным чадам Нычка родил из себя сына и дочь – Заначку и Подначку.

– То есть как – родил?! – возмутился Вадюня, вполне реалистично представляющий картину божественных родов.

– Тс-с! – зашептал толмач. – Это великое таинство, о котором непосвященным даже и помышлять не след. Помните лишь, что Заначка олицетворяет твердость движения внутрь. Подначка же, дочь Нычки, сама мягкость и движение вовне. И связь между детьми и отцом нерасторжима. Таким образом, он един в трех лицах и триедин, о чем свидетельствует символ нашей веры. – Наставник иноземцев почтительно дотронулся до ажурного украшения на

груди. – Тогда, родив из себя Заначку и Подначку, всемудрейший даровал нам и вторую из своих заповедей: «Давай добро всякому, кто в нем нуждается, и всякий воздаст тебе!» Вот, скажем, вы дали мне добро, – недавний страж указал на кошель, все еще туго набитый жаб-сами, – и я, пожалуйста, все, что могу. Все, что в моих силах!

– Мудро, – прокомментировал я.

– А как же, – отозвался наш гид. – Дело-то божье. Если захотите нашу истинную веру принять, только скажите. Я вам тут кое-что еще о таинствах растолкую, в Храмовой уряд прошения со мздой отошлем и все, считайте, душа ваша уже спасена.

– Мы, пожалуй, пока повременим, – ответил я, стараясь говорить как можно мягче. – Сам понимаешь, такое дело с кондачка решать нельзя.

– Ну, как знаете, – с нескрываемым огорчением пожал плечами проповедник. – А то и сами бы открыли души истинному свету, и мне заодно польза была б. Оно, конечно, два человека паства невеликая, но я бы еще свою семью приписал и стал бы уже не младший брат-словоносец, а отец-душеблеститель. А это в стольном граде Елдине при хорошем торге и на застольника потянет.

– Прости, на кого? – теряясь в системе субурбанских должностей и званий, переспросил я.

– Ну да, конечно, – покачал головой охотник за чинами, – вы же чужестранцы, ничего не разумеете. Субурбания – справедливая страна, где всякий добрый подданный имеет все права и вольности, о которых только может помышлять. Ежели, конечно, такие вольности не противоречат воле государя и правам иных субурбанцев. Если же право одного противоречит праву другого, всякий имеет возможность обратиться к справедливому суду великого правителя, да и тот, за соответствующую мзду мудро решит, чьи права правее. Но зато в Субурбании всякий имеет полную возможность стать тем, кем захочет, если, конечно, заплатит кому надо и сколько след. Вот, к примеру, я с утра еще был заурядный стражник думного радника Юшка-каана, вы мне дали мзду, я соответственно отсчитал десятину его особливому прихвостню...

– Кому? – опять переспросил я.

– Прихвостню. Деньги наши, субурбанские, хвостнями называются. Стало быть, те, кто денежными сборами в казну заведует, именуются прихвостни. А у такого именитого мужа, как Юшка-каан, прихвостень особый, то есть личный. Потому как от него одного мзды в казну государеву поболее, чем с иного городища собирается. А уж Союз кланов Соборная Субурбания, так тот и вовсе... ого-го! Ну да ладно, я вот с вашей помощью получил именную почетную грамоту, по которой мне теперь не как последнему служивому человеку, а уже как мздоимцу честь положена. – Он вздохнул. – Хоть чин и маловат. Теперь, вишь, я в младшие братья-словоносцы выбился. Тоже негусто, но в сумме-то один плюс один – два будет! – Свежеиспеченный мздоимец поглядел на нас так, словно только что совершил переворот в высшей математике. – Я по Храмовой уряд не пойду, не лежит у меня к нему душа, – искренне сознался служака. – Но ведь есть же те, кто намерен в Храмową бурсу поступать, а это, ежели дерзать с саном каким-никаким, то мзда поменьше получается.

– Так ведь и ты типа свою цацку не за спасибо отдашь? – хмыкнул Вадюня, указывая на нагрудное украшение субурбанца.

– Конечно, – согласно кивнул тот. – Ибо сказано в третьей заповеди: «Что дадено без воздаяния, потеряно для всех! За то тебе не воздастся!»

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, – прокомментировал я.

– В натуре, – поддакнул Ратников. – Для второй мыши.

– А? Это вы о чем?

– Да так, к слову пришлось, – отмахнулся я. – Продолжай, пожалуйста.

– Ну так вот...

«Так вот» оказался престранный. Судя по рассказу недавнего конвоира, а ныне нашего преподобного переводчика, государство, в которое волею судеб нас угораздило попасть, напоминало огромный сетевой маркетинг по продаже услуг населению. Каждый желающий, внося в казну определенную сумму, мог с полным основанием причислить себя к гордому сословию мздоимцев, которые, в свою очередь, делились на государевых, урядных и заурядных. Последние, не имеющие возможности втиснуться в штаты государственной или же министерской (урядной) службы, попросту придумывали себе должность и занятие и, заплатив мзду, равную предполагаемому годовому доходу, вполне могли поднимать с нуля свое детище, будь то предсказание судьбы по коровьим лепешкам или же сбор пошлин на озеленение Великого Железного Тына. Если дело не шло, через год ведомство упразднялось, если же в течение трех лет приносило солидный доход в казну в виде десятины снимаемой с населения мзды, то вполне могло получить урядный статус, что, в свою очередь, изрядно повышало ставки побора.

– ...Так вот, на правом берегу Непрухи основную силу держит Союз кланов Соборная Субурбания, – продолжал разливать соловьем наш гид, – а с другой стороны, значит, другой Союз – За Соборную Субурбанию.

– Это что, выходит, типа вторые за первых? – уточнил заинтересованный раскладом сил Вадим.

– Нет, против, – не замедлил с ответом толмач.

– А че, типа название такое?

– А они говорят, что эта Соборная Субурбания совсем не та, какой должна быть Соборная Субурбания. И что настоящая Соборная Субурбания это совсем что-то другое.

– Во как! – восхитился Вадюня. – А в чем в натуре разница?

– А Нычка их знает! Как по мне, так никакой. А есть еще, – разоткровенничавшись, стражник приблизил лицо к решетке и перешел на полупшепот, – есть еще тайный клан. Их называют Красные Демонята. Они поклоняются древним богам Хаоса.

– Тише, господин толмач, – оборвал его молчавший дотоле стражник. – Не ровен час кто услышит. Сами знаете, Призорный уряд не дремлет...

– Да что ты, приятель, – покровительственно похлопал собрата по плечу младший брат-словоносец, – я тебе как храмовый служитель говорю: не было никогда древних богов Хаоса. Все это дедовские байки. Запомни накрепко и всем Расскажи – дедовские байки!

Как и обещала исчезнувшая в неизвестном направлении Делли, дорога до стольного града Елдина заняла, без малого, пять дней. Сотня почетной стражи думного радника, до блеска начистив кольчуги, гордо вступала в ворота столицы, которая, знаменуя единство страны, располагалась по обе стороны реки Непрухи. Трубачи, надувая щеки, извлекали из своих инструментов торжественные звуки марша: «Ты жива еще моя держава? Жив и я, ура тебе, ура!» Как мы имели возможность убедиться, марш этот весьма почитался субурбанскими мздоимцами, начинавшими выпевать его, стоило лишь собраться компанией больше трех. Дерюжный полог нашей клетки на въезде в город был предусмотрительно задернут, и ориентироваться на местности мы могли только по отдельным репликам говорливого толмача:

– Ты ба! По правому берегу поехали. Стало быть, в темницу. Видно, сам многосильный Юшка-каан с вами беседовать желает. Глядишь, и обойдется. Вы уж, парни, не скупитесь, понимать надо, провинности-то великие. А уж если за ваше дело думный радник взялся, да еще и в прошлом головной урядник, выходит, малой мздой не отделаешься. Но коли вам понадобится в Кромонец гонца за жабсами, или что там у вас, снарядить, так я завсегда готов, оно мне и к лучшему...

Диагноз многоопытного субурбанца оказался стопроцентно верным. Через какое-то время повозку прекратило трясти на разбитых мостовых и, проехав немного по ровной ухоженной дороге, экипаж остановился, вероятно, посреди сада, поскольку благоухание цветов

проникало даже через наш грубый, засаленный от частого использования занавес. Послышался звук отпираемого замка, рогожа отдернулась, и мы увидели дворец – не дворец, терем – не терем, нечто среднее. Громадное и, на мой взгляд, довольно безвкусное здание.

– Идемте! – выпуская нас из клетки, гордо объявил мелкотравчатый мздоимец Посольского уряда. – Каан ждет вас.

Каан мог и подождать. Мы с Вадюней не спешили с визитом, желая размять затекшие от долгого сидения ноги. Повозка позволяла делать нам пару шагов вперед и пару шагов из стороны в сторону, но ходить по телеге, которая трясется, как в лихорадке, и раскачивается на каждом ухабе – то еще удовольствие. Впрочем, сидеть в таких условиях тоже не сахар.

– Вы чего, парни, подурели? – не слишком вежливо поинтересовался провожатый, глядя, как мы, охая, приседаем, бьем чечетку и размахиваем ногами в воздухе, точно марионетки в ярмарочном балагане. – Каан ждет!

– Дождется! Это я тебе конкретно обещаю.

– Ладно, пошли, – скомандовал я, и мы направились к резному крыльцу с каменными львами и раскрашенными петухами на двускатной крыше.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы переступили порог дворца бывшего головного урядника, были диковинные зверьки, пузатые, коротконогие, с тонкими крысиными хвостами невероятной длины, с маленькими головками, заканчивающимися вытянутыми рыльцами-хоботками. Зверьки, понукаемые почтенной матроной, ползали по огромному пушистому ковру, что-то выискивая в его высоком густом ворсе.

– Мурлюкские пылееды, – видя наше удивление, пояснил толмач, низко кланяясь и делая нам знак следовать его примеру.

– Онучи скидайте, вахлаки заморские! – поворачиваясь к нам спиной, гордо изрекла дама, демонстрируя глубину и ширину пропасти, разделяющую нас.

– Идемте! – вновь заторопил мздоимец и, высоко поднимая ноги, чтобы не наступить на распolzшихся пылеедов, направился к лестнице. – Эх, до чего полезных зверьков вывели! Мы поначалу решили, что они пылью питаются, оттого и название им такое дали. А они, вишь ли, выискивают буках разных, блох там, клещей, и все прочее. Вот только на ночь их к янтарной сети привязывать надо да груссим соком поить, а то они от тоски чахнут. А где сеть-то такую взять? У нас никто их делать не умеет. Юшке-каану вон женка привезла, она у него сама из мурлюков.

Однако, как ни интересно было наблюдать за охотой длиннохвостых пылеедов, сейчас предстояла иная забава. И дичью в ней, похоже, должны были стать мы сами.

– Ну-у?! – начал грозный каан, внимательно осмотрев своих пленников. – Что вы можете представить мне в свое оправдание?

– Речь идет о мзде, – пояснил замерший рядом с нами навтыжку толмач, не смевший оставить боевой пост без приказа высшего командования.

– Да я уж чисто понял, – хмыкнул Вадюня. – Слышь, уважаемый, – без обиняков начал он, упреждая мою попытку развести многоходовую дипломатию, – в натуре, что за елы-палы?! Мы, между прочим, не понты сюда колотить приехали. У нас чисто госзаказ, этот самый, бар-малейский. Давай разберемся по понятиям! Лаве так лаве, но не надо нам мозги лечить, не держи нас за бакланов!

Толмач ошарашенно поглядел на меня, явно прося поддержки. Уж не знаю, благодаря какому волшебству мы могли общаться с местными жителями на их языке, но повлиять на речь моего соратника никакие чары были не способны. А между тем в обязанности толмача входило не только разъяснять местные нравы, но и переводить речь пленников на доступный начальственному уху язык.

– Мой друг говорит, – тихо пояснил я, – что он с почтением готов выслушать требования вельможного мздоимца и решить дело по справедливости.

Переводчик с облегчением озвучил мою версию Вадькиной тирады, делая паузы между фразами, чтобы дать сановному Юшке досконально уяснить смысл услышанного. Каан вальяжно прошелся по «кабинету», плотно уставленному ларями, резными столами и обитыми бархатом табурами.

– Толмач уже довел до вас, в чем вы обвиняетесь, – не столько спрашивая, сколько утверждая, произнес он.

– Ну, типа да, – кивнул Ратников, и я молча последовал его примеру. – И че?

– К этому списку я добавлю еще одно обвинение. Обвинение в неадекватности должностному лицу при исполнении обязанностей.

– Так ведь нет такого уложения, – едва слышно, должно быть, для самого себя, проговорил оторопевший мелкий мздоимец. Однако, как он ни тщился, слова его были услышаны грозным начальством.

– Нет?! Стало быть, будет! Сегодня же внесу новое уложение государю. Пускай порадуются! На то мы, думные радники, и посажены, чтобы государя-надежу думой своей радовать. А ты вообще никшени! Нашел, перед кем рот-то разевать!

– Но так сегодня-то уложения нет! – подхватил я слабенький козырь, подобранный мне младшим братом-словоносцем.

– А вас сегодня судить и не будут, – успокоил меня сатрап. – Ежели мзду на месте не дали, стало быть: неуважение к власти – раз; преступная волокита – два; а все вместе опять-таки выходит прямой убыток Прихвостневому уряду. – Он посмотрел на каждого из нас в упор. – Тут, глядишь, и до царевубийственного заговора недалеко. Вы не к Красным ли Демоньятам тайно прокрадывались, а?

Я едва скрыл улыбку. Сколько раз на допросе подозреваемого мне самому приходилось пускать в ход подобную уловку, выдвигая грозные обвинения подследственному едва ли не в пособничестве Иоанну Грозному при убийстве оным собственного сына.

– Понятно-понятно, – закивал я. – А так, чтоб без суда?

– Ну-у, – заулыбался каан, – если по отдельности считать за каждое преступление, то, ясное дело, много набегает. Но поскольку вы, как утверждаете, гости нашей страны, в знак дружбы и добрососедских отношений, возьмем, пожалуй, по-малому, единым разом. Синий конь ваш, кстати, мурлюкской породы? – небрежно поинтересовался глава Союза кланов.

– Джапанской, – мрачно отозвался Вадим, предчувствуя недоброе.

– Надо же, – удивленно покачал головой сановник, – я о такой державе и не слыхивал никогда. Какие только страны в мире бывают! Ну да ладно, полагаю, ваши кони вполне достойная плата в возмещение того убытка, который вы своим непочтением к нашим законам, надеюсь, не злокозненным, посмели высказать.

– А болтов тачку не хо-хо? – Насупившийся Ратников сжал кулаки и грозно сделал шаг вперед.

– В темницу!!! – гаркнул вельможа, не дожидаясь перевода, и притаившаяся за дверями стража ринулась на нас, подобно горной лавине.

Темница потому и называется темницей, что в ней ни черта не видно. Небольшой квадратик решетки высоко над головой, едва озаряемый далеким факелом, вот и все освещение. Честно говоря, перед тем как попасть сюда, мы отвели душу на страже. Полагаю, столь непочтительное отношение тоже должно было обойтись недешево, но зато как ласкает слух, как жизнеутверждающе звучит в такой обстановке хруст ломаемой руки противника и хлюпанье свернутого носа! Правда, нам все-таки досталось больше всех. Но держались мы, черт возьми, долго!

– Ядреный корень! – отрывая голову от пола и с трудом ворочая языком, пробормотал я. – Интересно, где это мы находимся? Кто бы рассказал?

– Мы-м-м... – раздалось из дальнего угла нашего нового обиталища. – М... м-м... м-м-м!..

Вадим, валявшийся ближе к источнику звука, пристально взгляделся в темноту, стараясь рассмотреть собрата по несчастью. Вгляделся... Еще внимательнее взгляделся... И попытался шарахнуться в сторону:

– А-а-а!.. Клин, ты только посмотри, что эти мурлюки с собачкой сделали!!!

Глава 5

Сказ о том, что пёс его знает

Со временем глаза привыкли к царившему в подземелье мраку, но свыкнуться с тем, что довелось увидеть, наши мозги отказывались наотрез. В углу на ржавой железной цепи, вмурованной в стену, сидел, вернее, сидело некто, в котором, как мы ни силились, не могли опознать что-либо знакомое, хотя бы по детским сказкам. Внешне существо напоминало собаку, тут Вадим не ошибся. Однако собаку довольно нескладную. Длинные тонкие ноги, поджарое, непонятной окраски туловище, да плюс к этому мохнатый хвост калачом. И все бы ничего, да вот только вместо пёсей морды у этого, уж не знаю кого, находилась человеческая голова с длинными, острыми, покрытыми шерстью ушами. Пасть, вернее рот, нашего сокамерника был плотно заткнут деревянным кляпом, крепившимся с помощью железного обруча с замком на затылке.

– Да уж! – Раньше меня обретя способность двигаться, Вадюня обошел кругом цепного товарища по несчастью, внимательно оглядывая его со всех сторон. – Эт-то они по-доброму.

– М-м-м! – вновь загудел заключенный, вертя головой, торчавшей из строгого ошейника.

– Ну-тка! – Ратников взялся за замок, пощупал половинки железного обруча, приклепанного к набухшей от сырости затычке, просунул пальцы в узкую щель между лицом несчастного пленника и металлом и, проговорив с натугой: «Потерпи малеха!», с силой потянул половинки обода в разные стороны. С мерзким звуком заклепки вылетели из своих мест, точно потревоженные мухи со старого огрызка.

– Все, свободен. – Он подкинул оставшиеся в руках железяки, скрепленные замком, видимо, примеряясь использовать данный трофей в качестве оружия.

– Темницы темен свод, – подвигав челюстями из стороны в сторону, наконец изрек пленник, обретший, благодаря стараниям моего друга, дар речи.

– Очень ценное замечание, – хмыкнул я.

– Но мрак еще не мрак. – Голос неведомого существа был удивительно чист и, я бы сказал, бархатист. В тоне чувствовалась жесткая уверенность человека, ведающего, о чем глаголет: – Всё не случайно. Камень капля точит. Измены нить пронзила светлый храм, но ей препоном сумрак небосклона. Всё заговор! Измена. Суета... Вот ось, вот «аз» и «ять»! Вот тень и камень!

Я напрягся, пытаюсь уразуметь смысл услышанного. Освобожденный Вадимом от кляпа говорилка представлял собой существо необычайное, но вместе с тем отнюдь не производил впечатление безумца.

– Свернулся путь змеею. Вы в норе! Случайность ли? Ответ непредсказуем. Скажите – да. Я вам отвечу – нет! Но истина лежит, тая дыханье...

Ах вот он о чем! Кажется, я начал понимать. Вадим же, судя по усиленному киванию в такт каждой произнесенной незнакомцем фразе, вообще воспринял все от первого до последнего слова.

– Благословенью Нычки скрепов нет. Вы – меч свободы, вы же длань защиты! Пришедши, чтобы быть, вы будьте им! Ничтожество пребудет постоянством!

– Как верно сказано! – с нескрываемым восхищением прошептал Вадим.

– Дрожит лабаз раздора и задора, подземный гул разносит стук копыт...

– Прямо поэма, – прошептал я.

Да, он, несомненно, был мудрецом. Мудрецом и великим вождем. И пусть он не называл свое имя, я, как никто другой, почтённый им своим доверием, понимал, сколь важна тайна для победы нашего дела.

– Пройди сознания темные провалы, задумчивые полосы земли. Храм Нычке черный камень на земле, огонь и смерть, и голод, и расплата.

О, как я понимал его! Как понимал! Наш великий предводитель! Наш вождь, поднявший на восстание грозных подземных кобольдов, строителей храма бога Нычки, возмущенных вопиющей несправедливостью злых и жестоких людей, обирающих истинных служителей всемогущего творца.

– Им камень – хлеб, им кровь – жестокий зуб. Скрежещет полуночное светило. И стук копыт лесной тропой смят, один, не два, не три. Один. И снова, снова...

Конечно, люди, если желают жить в мире с кобольдами, должны менять еду на «черный камень», горы которого исконные жители подземелий извлекают из глубинных недр. Но они же такие коварные! Они преследовали и схватили нашего вождя!

– Сдвиг молний бесновавшихся предел, принц Элизей иллюзий сеет свору. Согнись, собор! Твой путь один. Один иди в Гуралию, драконий воевода!

Принц Элизей! Да конечно, он старинный и верный соратник Шествующего впереди. Он спас провидца, в неравной схватке поразил его врагов. Теперь он в Гуралии, собирает войско драконов, чтобы положить конец деспотии... Стоп! Усилим, шедшим из рефлексов, намертво записанных в подсознании, я приказал плавно текущей мысли остановить свое движение и замереть. Принц Элизей и дракон. Принц Элизей и дракон. Принц Элизей и дракон! В этом словосочетании что-то есть, оно означает что-то очень важное. Ища ответа, я поглядел на широкоплечего силача, сидевшего подле нас. Должно быть, он тоже был сторонником Великого вождя. Я явно его где-то видел.

– Принц Элизей послан вами собирать армию драконов? Он в Гуралии? – через силу проговорил я.

Не помню почему, но принц Элизей не должен был становиться во главе драконов. Кажется, между ними вражда, впрочем, ему, Познавшему Путь, виднее.

– Бдит паруса крыло меж волн крутых. Прибоя бой не кончен – он не начат. Элизею лежит стрела пути в Тюрбанию, где птица Рух, надменно перо роняя, ломит спину льву. Их мрачен глаз и остр зрачок коралла. Замри под разворотом темных крыл! Вернувшийся прочтет слова на стенах, построенных судьбой и безрассудством.

Ну конечно же! Он в Тюрбании! Как я сразу не понял? Но расплата близка! Я гордо улыбнулся, поворачивая голову вверх к решетке, которая сейчас уже не казалась такой безнадежно далекой и недоступной. Сверху, в подтверждение моих слов, блеснул луч света.

– Олухи древних богов! – донеслось оттуда недоброе. – Это что ж вы такое вытворяете! Да как же вы посмели?!

– Оставь ключи, ведущие во мрак. Во свете дверь открой, наполни грудь! Царевич я! Царевич Элизей! Отверсты очи истова чела.

– Так вот оно что!!!

– О-о! – заорали мы со вторым адептом.

– Ты жива еще, моя держава? Жив и я, ура тебе, ура! – грубым басом завопил кто-то наверху, заглушая слова царевича.

Конечно же, темные чары на время скрыли от нас светлый образ королевича Элизея, но теперь мы видели его воочию. Теперь-то нам было ничего не страшно. А вот тюремщику... Даже здесь, в мрачном застенке наш вождь был страшен им. Не оттого ли трусливый страж, пришедший выведать наши секреты, позорно бежал со всех ног, едва услышав голос истины?

Решетка со скрежетом поднялась, и в освещенном проеме замаячили фигуры вооруженной охраны.

– Мы спасем вас, принц! – вскочил я, радуясь последнему бою. – Спасем, даже если суждено погибнуть!

Нам не суждено было сложить головы, защищая вождя. Крепкие сети и путы не позволили сделать этого. И вот теперь, поверженный, но не сломленный, он сидел на цепи с деревянным кляпом во рту, и мы с собратом по несчастью, скрученные по рукам и ногам, лежали у его стоп, подобно каменным львам, желающим защитить венценосного повелителя, но не имея сил преодолеть мраморного плена. Немилосердный надзиратель сидел напротив на колченогом табурете, вздыхая в общем-то вполне беззлобно.

– Древние боги Хаоса! Ну что же вы такое устроили-то! – Он очередной раз огорченно вздохнул и укоризненно покачал головой. – Почтенные ж люди, соглядатаи заморские, толмача своего имеете! А вот на тебе, туда же. Эх вы, головушки колодные! Что ж теперь поделывать-то с вами? Сам укладник темничный велел вас неотлучно и до самого суда в путах держать. А оно, как говорится, пока суд да дело, молю корову съела.

Я озадаченно посмотрел на Вадима. Да-да, моего сотоварища звали Вадим, теперь я вспомнил это. Мы – заморские соглядатаи? Ну надо же!

– Жаль мне вас, добры молодцы. Да что уж я, стражник урядный, могу сделать?

– Короче, – поводя челюстью справа налево, тихо проговорил Вадюня. – Сколько надо-то?

– Ну, так смотря на что, – быстро затараторил страж, радуясь понятливости чужеземцев. – Ежели я обрету себе почетную грамоту подстольника, то, скажем, путы вот эти на вас повешу только для виду. Снять, сами понимаете, права не имею, но ведь можно их и не затягивать вовсе. Ежели, скажем, стать завзятым подстольником, то еду сюда велю с базара носить. И гулять по двору дозволю выводить. А уж если застольником стать, – тюремщик мечтательно вздохнул, – здесь лишь места за вами числиться будут, а сами в тюремном тереме жить будете. Покойно, как в нычке.

Он хотел еще что-то добавить, но сверху донеслось подобострастное:

– Осторожнее, каана, не загрязните ножку. Здесь, простите, не прибрано. Сейчас-сейчас, распоряжусь, не извольте беспокоиться.

– Это ж сам стольник тюремный! – озадаченно охнул урядный страж. – С кем это он?

– Эй! – не давая ему развить мысль, донеслось сверху. – Ну-ка немедленно развяжи почтенных господ!

– Так ведь, почтеннейший господин стольник, по велению укладника...

– Ты соображаешь, что несешь, голота?! Развяжи сейчас же, я тебе приказываю! У тебя в путах сам подурядник левой руки уряда Коневодства и Телегостроения заодно с укладником крепкой стражи разведения синих коней на полу валяются. Ведомое ли дело!

– Ой, как нехорошо-то вышло! Ой, как нехорошо! – обреченно прощаясь с витавшими в голове мечтами о быстрой карьере, запричитал стражник. – Помилосердствуйте, отцы родные! Не губите! Кто ж знал?! Видать, морок попугал!

– Держи лестницу! – вновь раздалось сверху. – Да помощи господам к нам подняться.

– Уж расстараюсь, господин стольник, не извольте сомневаться. Осторожнее, препочтеннейший господин подурядник, здесь ступенечка кривовата...

Наше освобождение не заняло много времени. Тюремный стольник, столь же внимательный, как и оставшийся внизу служака, предупредительно подал нам руку, помогая вылезти, и мы очутились в едва освещенном факелами коридоре перед двумя очаровательными дамами. Правда, одной из них была потерявшаяся фея, а вторая, уже вошедшая в солидный возраст, скорее сохраняла воспоминания о былой красоте, чем на самом деле была прекрасна. Но нам в тот момент обе казались верхом совершенства.

– Делли! – радостно прошептали мы, поскольку закричать от восторга не было сил, да и комок, застрявший в горле, не способствовал внятной речи.

– Это они? – Видная дама, сопровождавшая нашу вновь обретенную соратницу, оценивающе смерила арестантов взглядом и добавила разочарованно: – В облике величия маловато.

Ну, пустое. Я рада приветствовать новых граждан нашей страны лично и по поручению Союза кланов За Соборную Субурбанию. Я рада также видеть в вас честных мздоимцев, чей вдохновенный труд будет служить неуклонному росту могущества основоположной державы. Всегда помните, что Союз кланов За Соборную Субурбанию нерушимо стоит на позициях неуклонного движения вперед при прочной тенденции к стабильности, произрастающей из вершин самых глубинных корней нашей культуры. Искренне надеюсь, что тучные табуны синих коней промчат гордое имя субурбанца по всем дорогам и бездорожью соседних, а также отдаленных стран. Поздравляю, примите сердечные пожелания успехов в вашей многотрудной деятельности. Слово для дальнейшего поздравления имеет Делли, дочь Иларьева.

Не дожидаясь продолжения, фея порывисто обняла каждого из нас, поясняя между радостными поцелуями:

– Это Вихорька-каан, глава Союза кланов За Соборную Субурбанию, думская радница. Я купила у нее свободу для вас.

– После всего, что мы здесь устроили? – чуть отстраняясь, спросил я.

– Эка невидаль! – Фея состроила хитрую гримаску. – Дела-то заведены на неведомых чужаков, а вы теперь субурбанцы и весьма-а высокопоставленные мздоимцы. А раз так, вам не след задерживаться в этой гнусной берлоге.

– Постой! – вдруг вспоминая нечто важное, воскликнул я. – У нас тут есть еще одно дельце!

– Какое? – настороженно поинтересовалась спасительница, искоса поглядывая на наши сбитые кулаки. – Надеюсь, не... В общем, без расправы?

– погоди, сейчас все объясню. – Я обернулся к тюремному стольнику, до сих пор маячившему в позе вопросительного знака возле вельможной Вихорьки-каан. – Послушай, любезнейший, мы можем выкупить своего... м-м... сокамерника?

Каталажный чин удивленно пожал плечами:

– Этого-то? Пожалуйста. Коль он вам нужен, на здоровье.

– Дорого ли будет стоять? – продолжал напирать я.

– Да чего там. Пару жабсов дадите, да и то Заначка вас благослови!

– Хорошо. – Я вытянул из висевшего на поясе кошелька кожаные банкноты. – Освободите его и оставьте нас. – Уж разыгрывать из себя чинушу, так на полную катушку: командный голос в общении с нижестоящими – правило хорошего тона.

– Как скажете, почтеннейший господин, как скажете. – Он поспешил покинуть узкое пространство коридора, и Вихорька-каан, понимая, что ее миссия приветствия новых сокланцев завершена, милостиво пожелала соизволить взять его в провожатые.

– Вот, – я указал Делли на появившееся в отверстии каменного мешка уже лишенное кляпа лицо венценосного пленника, – королевич Элизей, превращенный злыми чарами в...

– М-да... Про королевича, это он вам сказал? – хмыкнула фея, укоризненно глядя на выкупленного арестанта. – Ну, здравствуй, принц!

– О красный лик, чертога рванный скол...

– Заткнись немедленно! – скомандовала фея с жестокостью, которую я в ней и не подозревал. – Знакомьтесь, мальчики, это – Переплутень!

Пес с человеческим лицом подошел к нам и уселся на задние лапы, подкладывая под себя мохнатый хвост.

– А типа где же королевич Элизей? – Вадим недоуменно посмотрел на утратившее былое величие существо, потряс головой и, точно перепроверяя сам себя, заглянул в каменный мешок, словно надеясь увидеть там кого-то еще, кроме замешкавшегося сторожа.

– Ничего, это пройдет, – поспешила утешить нас Делли. – Это всегда так бывает.

– Иссиний век сигнального свистка, – вновь открыл рот Переплутень.

– Я превращу тебя в статую. И ты останешься здесь стоять на веки вечные, – нелюбезно глядя на старого знакомого, пообещала фея. – Идемте. – Она схватила нас под руки и, не обращая больше внимания на загадочного говоруна, едва ли не силком потащила к выходу.

– Может, хоть из тюрьмы этого трепача вывести? – тихо спросил я. – Все же деньги плачены. А то ведь не ровен час мы уйдем, а его обратно запихнут.

– Нет, здесь так не принято, – покачала головой Делли. – Если уж заплачено, то выйдет он отсюда абсолютно спокойно. Будет себе гулять, пока опять не найдется недотепа, который, очнувшись после его бредней, решит жалобу подать в государеву сторожу. Тогда пустобреха в который раз отловят и опять сюда же кинут. Впрочем, ненадолго, недели на две, не более. До суда все равно не дойдет.

– Чего вдруг? – хмуро удивился Вадим, окончательно протрезвевший после замысловатых речей сокамерника и чувствовавший себя теперь последним идиотом. – Он тут типа бульдозером по ушам ездит, а его по-взрослому замести не могут?

– Не могут, – выводила нас из застенков, согласилась фея. – Во-первых, он Переплутень, и говорить иначе просто не умеет. Ведь он же не со зла всякому встречному и поперечному голову морочит, без всякого умысла и корысти. Порода у него такая. Вот я, скажем, от рождения чары наводить могу, а он несет разную околесицу, и кто не послушает, всяк верит. Да что там верит! Сердцем понимает, готов за ним на край света идти.

– Это точно, – вспоминая ощущения последнего часа, печально констатировал я. – Я на полном серьезе поверил, что он заколдованный принц.

– И не ты один, – утешила фея. – Бывало, соберет вокруг себя десяток человек и идет по дороге, байки травит. И они вслед, уши развесив, бредут, обо всем забыв. До двух дней так идти могут. Потом люди от усталости с ног падают, тем и спасаются. Переплутень знай себе дальше бредет, потери не замечает, ну а кто отстал, поваливаются без чувств, да и хватаются: «Где я? Что тут делаю?» Натура у Переплутня такая, ничего тут не попишешь. А раз уж он изначально так устроен, то, выходит, и судить его не за что. Да и как прикажете судить, ежели ему на толковище слово придется давать? Нескладушка тут получается: не дали слово, где ж тогда справедливость? А уж если говорить дозволить, то пиши пропало, всю судебную палату олухами выставит. Кроме того, – продолжала Делли, пересекая тюремный двор, – Переплутень языком-то мелет, да в словах его всегда зерно истины сыщется.

– Это как? – насторожился я, вспоминая странные ощущения при упоминании зверолодом принца Элизея и драконов.

– Ну, вот ты помнишь, о чем, как тебе казалось, он говорил?

– М-м... По-моему, он поднял восстание, – неуверенно начал я, – среди кобольдов, строителей подземных храмов бога Нычки. Его вроде бы пытались схватить, но вмешался принц Элизей.

– Заметь, – прервала меня спутница, – наверняка до беседы с Переплутнем ты и понятия не имел, что на востоке Субурбании живет племя кобольдов, строителей подземных храмов.

– Верно, – несколько смущенно подтвердил я. – Даже не догадывался.

– Восстание он, конечно, не поднимал, да и не мог поднять. Кобольды в основном живут под землей и редко появляются на поверхности. Переплутень же по своей воле под землю не полезет. Но вместе с тем кое-что в его словах верно. Подземные жители, строя храмы, выбрасывают огромное количество горячего камня, который субурбанцы увозят на телегах и сжигают в печах. Если бы кобольды не добывали этот камень, местным жителям практически нечем было бы обогревать дома в зимнюю пору, не на чем готовить еду, ковать железо. Но если бы субурбанцы не разгребали рукотворные горы вокруг входов в глубинные святилища, их бы могло просто завалить в подземельях.

Правда, кобольды начали поговаривать, что раз местные жители так нуждаются в том, что выбрасывается из подземных коридоров и залов, пусть меняют хотя бы часть этого камен-

ного мусора на еду. Однако Переплутень здесь абсолютно ни при чем. Разговоры о том уже который год идут. Должно быть, действительно встретил он кого-то из кобольдов, а вероятнее, из кобольдых, они чаще на поверхности охотятся, наплел ей – или им – с три короба и увел от родных лесов к Елдин-граду. Вот и вся незадача.

– А как же Элизей? Освобождение от рук врага? – стараясь восстановить истину по разбросанным в Переплутневой болтовне крохам правды, спросил я.

– Не знаю, – пожала плечами фея. – Придумать эту встречу старый болтун скорее всего не мог. Он всегда говорит о том, что в самом деле видел или слышал, но только по-своему.

– Стало быть, – пытаюсь рассортировать полученные фактики, подытожил я, – Переплутень встретил Элизея либо в землях кобольдов, либо по пути к столице. Так?

– Так, – чуть подумав, согласилась фея.

– Угу. Земли кобольдов соседствуют с Грусью?

– Да, – подтвердила мою догадку прирожденная чародейка. – С землями Груси Алой.

– Очень хорошо, – кивнул я. – Сначала наш, с позволения сказать, свидетель утверждал, что отправил принца в Гуралию собирать войска драконов, и это меня насторожило. – Я потерял виски, стараясь как можно точнее вспомнить недавнюю беседу. – Потом, когда я задал нависящий вопрос, Переплутень изменил свои показания и заявил, что Элизей направился в Тюрбанию.

– Да-да, еще что-то про Рух рассказывал, – вклинился Вадюня.

– Проруха, она и на старуху бывает, – согласилась Делли.

– Не-а, это другая, – замотал головой помощник. – Это на львов. Она им чисто спины ломала.

– Погоди, – прервал его я. – Делли, земли кобольдов в какую сторону от вашей столицы лежат?

– В сторону Тюрбании, – поразмыслив, ответила Делли. – Гуралия, та к закату, а это к югу.

– А драконы где живут?

– Ну, живут-то они где ни попадя, – хмыкнула очаровательница. – Где угнездятся, там и живут. Но, пожалуй, в Гуралии их побольше будет.

– Та-ак! То есть, иными словами, драконы живут и в Гуралии, и в Тюрбании. Однако принц, который ищет твою воспитанницу, доехав до земель кобольдов, вдруг резко поворачивает именно в Гуралию.

– А чего ты в натуре решил, что именно туда, а не в это, в Чурбанию? – усомнился Вадим.

– Потому что о Гуралии Переплутень заговорил сам, а Тюрбания появилась после моего вопроса. Стало быть, это направление в восприятии нашего свидетеля отложилось как второстепенное. Резонно?

– В общем-то да, – согласилась фея, внимательно выслушав мой довод. – Но сам понимаешь, с Переплутнем никогда не знаешь, чему верить, чему нет.

– И все же я полагаю, что принц получил от кобольдов какую-то информацию, вынудившую его изменить первоначальное направление поисков.

– Так че теперь, Клинт? Ломиться, вытаскивать всех этих землероек из норы, чтобы узнать, чего они напели типа твоему феодалу?

– Вероятно, они сообщили ему нечто очень важное, – не сдавался я, доходя наконец до ворот внешней тюремной ограды и пропуская вперед Делли. – Мы должны узнать – что.

– Не надо соваться к кобольдам, – почти просительным тоном произнесла фея. – Это плохая мысль. Давай-ка лучше доедем до столицы, а я тебе оттуда принца найду в два счета.

– Это возможно? – не совсем веря услышанному посулу, переспросил я, намереваясь выяснить, отчего в таком случае нельзя так же просто отыскать и пропавшую принцессу.

– Элизея отыскать несложно, – вздохнула фея, легким кивком головы отвечая салютующему стражнику. – А вот с Машей не выходит, – добавила она, отвечая на мой незаданный вопрос. – В любом случае в первую очередь необходимо добраться до столицы.

Наше превращение из безвестных узников в высокопоставленных мздоимцев произошло практически безболезненно и стремительно, как в сказке. Первым делом Делли позаботилась о внешнем виде бывших арестантов, и было просто любо-дорого поглядеть, как под ее руками исчезают ссадины, царапины, пропадают кровоподтеки и синяки и вообще улучшается наше подорванное казематной сыростью самочувствие. Затем, сменив рваную одежду на парадную, мы вместе с Вадимом направились к достопочтенному господину уряднику Коневодства и Телегостроения, одним из помощников которого отныне на год вперед значился славный витязь Вадим Ратников. Моя же собственная должность была еще забавнее. Как ни крути, выходило, что я все же возглавил службу безопасности, так сказать, дочернего предприятия Олеговой фирмы. Своих новых сотрудников главный коневод страны принимал весьма любезно и, пожелав подуряднику левой руки успехов в разведении джапанской патрульной породы, охотно выписал Вадюне грамоту, позволяющую обследовать все пределы Субурбании на предмет поиска и выделения земель под пастбища многоценного, перспективного вида лошадей.

– Как же я их разводить-то типа буду? – просительно глядя на меня, произнес Ратников, когда мы вышли из урядных палат. – Он же в натуре того, не этого?

– А ты вспомни, как кони размножаются, – на голубом глазу предложил я, представляя картинку, где на месте племенного жеребца выступает могучий «ниссан». Вадим, видимо, тоже представил себе это более чем явственно и минут пять не мог прийти в себя, приговаривая сквозь слезы:

– Он ее того, ка-ак... Бу-га-га!

Со стороны эта сцена выглядела, должно быть, по-идиотски, но с напряжением сегодняшнего дня было покончено.

У входа в арендованные Делли покои нас встречал давешний толмач, принесший официальные поздравления от Юшки-каана с приглашением войти в Союз кланов Соборная Субурбания и с немалой мздой лично от себя, если господину подуряднику Коневодства левой руки вдруг понадобится верный человек в ранге подстольника. К сожалению, мы вынуждены были ответить ему отказом, хотя из всех субурбанских «лиц» это, несомненно, было самым приятным.

– Сейчас у нас командировочка образовалась, – объяснил я огорченному канцеляристу причину отказа, – нужно срочно по делам уехать. А как вернемся, так приходи непременно.

– Это слово мздоимца? – заглядывая нам в глаза, не замедлил уточнить чинуша.

– А то! – гордо пробасил Вадюня. – Чисто мытаря, гадом буду!

Мы ехали ускоренной рысью, давая возможность встречным зевакам подивиться чудесным свойствам наших коней.

– Слушай, Делли, – кинул я через плечо фее, сидевшей у меня за спиной, для верности обхватив руками торс спутника, – а куда ты пропала там, у траншеи?

Признаться, этот вопрос мучил меня давно. С того самого момента, как я не обнаружил тела разбившейся красавицы во рву. Но теперь, когда улеглись первые восторги от встречи, настало самое время расставить точки над «i».

– Исчезла, – самым беззаботным тоном ответила кудесница, так, словно я спросил у нее, который час. – Можно сказать, растворилась в воздухе.

– Хм, интересная манера, – озадаченно выдавил я. – Мы чуть на стену не полезли, когда увидели, что тебя нет, а ты просто... исчезла, даже ручкой не помахала.

– Извини, – с ноткой раскаяния проговорила Делли. – В следующий раз обязательно помашу.

– И на том спасибо, – мрачно изрек я, теряя остатки до того вполне доброго расположения духа.

– Виктор, сам посуди, – немного помолчав, вновь заговорила фея, для особой проникновенности глядя мне спину. – Я ведь не просто сама по себе фея, я еще и сотрудница Волшебной Службы Охраны. Состою при особе наследной принцессы Груси Золотой, Зеленой и Алой. Если бы взяли меня вместе с вами, обнаружилось бы, что сотрудник Волшебной Службы Охраны из соседней державы без соответствующего ярлыка по Субурбании разъезжает. Да еще нападает на людей, что и вовсе нам запрещено. Всадников я бы, положим, остановила, а вдруг они там не одни были. Не хватало еще стрелу схлопотать.

– Не одни. А отчего по дороге нас не вытащила? Тут-то воевать не надо было, – не унился я, внутри все же соглашаясь, что в чужой монастырь, в который нас занесла нелегкая, со своим уставом лезть не следует.

– Не успела. Надо было в Грусь слетать, договориться, все оформить. Потом в Елдине кому надо мзду дать. Так что просто не успела, уж извините. Кстати, из тюрьмы я вас тоже не имела возможности вытащить иным способом, кроме как мздой. Вы без сознания были, потому не помните, но когда вас в темницу-то доставили, местный маг, он же лекарь, непременно поливал новых заключенных особым раствором, отгоняющим блох, комаров, крыс и дурную магию. Если бы я попыталась каким-то образом воздействовать на вас чарами, – она печально вздохнула, – вы бы могли просто сгореть. – Делли снова покрепче ухватила за меня и ласково, совсем, как обыкновенная женщина, зашептала в самое ухо: – Ну я правда, честно, не хотела вас бросать.

– О чем секретничаете? – подъезжая к нам, крикнул Вадюня, после пут и каменного пола упивающийся свободой и быстрой ездой.

– О секретах! – мрачно огрызнулся я. – Мал иш-шо!

– Ну и ладно, – добродушно отозвался Ратников. – Делли, я это, у меня чисто вопрос образовался. Я, короче, ни фиги тут не врубаюсь, что это здесь за хрусты такие диковинные? Жабсы, хвостни, мостики, убитые еноты... Конкретно по жизни, дубом рехнуться можно!

– Ваши-то чем лучше! – хмыкнула Делли. – Рубли небось от слова «рубить» происходят, ни дать ни взять гуральские спилы. Там, видишь ли, из особого сорта дерева деньги делали: пилили ствол на кругляши, клейма раскаленные прикладывали, вот тебе и монета. Правда, стоимость спилов вне Гуралии никакая, но тамошние жители за границей почти ничего и не покупают, потому как туда не ездят. С иными деньгами тоже все просто. Вот, скажем, жабсы. Когда первые мурлюки за Хребет пришли, у них своих денег не было. Но один ушлый меняла, который сбежал из Империи Майна, прихватив чужое золото, отловил на болоте несколько десятков жаб редчайшей породы, скормил им самородки, а потом прилюдно вскрыл, демонстрируя, что в брюхе каждой из них находится высочайшей пробы драгоценный металл. А еще ранее того он заплатил первому главному майору за право владения всеми болотами по ту сторону Хребта, а буде возможность и по эту.

У главного майора за Хребтом болот было много, а денег не было совсем, и он охотно согласился. Получив желаемое, ловкач заявил, что в желудке у каждой жабы этой породы хранится мерный самородок, а стало быть, шкурка такой драгоценной животинки вполне может являться платежным средством, ибо обеспечена чистым золотом. С тех пор дети и внуки того менялы, его племянники да прочие родственники и свойственники такую силу взяли, что сами главного майора выискивают и нанимают для того, чтобы он, с благословения Светоносной Девы, берег их золото, Тын двигал и новые болота им выделял. Жаб-то все больше требуется! Сами видели, как они головастика своих стерегут. Остроги вокруг каждой трясины!

– И что, никто в натуре не дергается? – нахмурившись, поинтересовался обескураженный мздоимец-недоучка.

– Ну почему? Скажем, субурбанцы очень даже хорошо у себя таких жаб разводят. Головастики за богатую мзду где-то раздобывают, а топей и здесь видимо-невидимо. Они и транши-то затем берут, чтобы объяснить, откуда, собственно говоря, у них жабы появились.

– Ну хорошо, это шкурки, а остальные деньги?

– Мостики пошли от мостового налога, который прежде в Империи Майна платили за переход с одного берега на другой. Хвостни здешние от того, что древние субурбанцы были скотоводами и считали своих коров по хвостам. Один хвостень – стоимость одной коровы. Наши же убитые еноты от прежней дани, которую государю шкурками платили. Особо самодержцы предпочитали енотов. Деньгу же, которую за одну шкурку давали, и стали звать убитым енотом, чтобы с живым зверьком не путать. Ну и так далее. – Она выплянула из-за моего плеча, всматриваясь куда-то вдаль. – Ну что, господин подурядник левой руки, доволен?

– Натурально, – кивнул Вадюня.

– А уж я-то как довольна! Вон, впереди красные кусты видите? Это и есть граница Груси Алой.

Глава 6

Сказ о том, что у птицы видно по полету, а у витязя по понятиям

Там, куда указывала Делли, буйно росли высокие кусты, усыпанные красными ягодами.

– Это чего, малинник? – присмотревшись, с удивлением спросил Вадим.

– Ага, – гордо отозвалась фея. – Только малина не простая, волшебная.

– Это типа кто ее съест, у того рога вырастут? – Господин подурядник с явной опаской поглядел на маячащую впереди естественную преграду. – Я помню, чего-то такое читал.

– Да нет, – Делли удивленно пожала плечами, – почему же рога? Ничего такого у него не вырастет. Просто ягоды здесь такие вкусные, что проехать мимо и не попробовать никто не в силах. Одну ягодку съест, другую, пятую, десятую, а оно же все треск да шорох. Бывало, на полверсты в глубь малинника некоторые едоки уходили, все никак остановиться не могли. Ну а пока, значит, нарушитель за обе щеки малинку наворачивает, на шум уже ближняя к месту богатырская сторожа прискачет. Так что либо иди на законный перелаз, либо носи оберег волшебный, либо уж как мы, – фея сделала неопределенный жест в сторону живой изгороди, – чарами.

Малиновая пограничная линия расступилась саженей на пять, давая всадникам дорогу.

– Ну вот, – обнадежила нас очаровательная спутница, когда заросли, полные соблазнительно спелых сладких ягод, сомкнулись за нашими спинами, – добро пожаловать в Грუსь Алюю.

Я огляделся, надеясь немедля найти, как принято писать в детских журналах, десять отличий от предыдущего пейзажа. Впереди виднелась гряда холмов, поросших немало прореженным дубняком, откуда-то очень издалека доносился едва слышный колокольный перезвон, чуть в стороне, должно быть, подпевая далекому благовесту, пробовало голоса коровье стадо. В общем, идиллическая картина, настраивающая на дачный лад.

– Что же здесь такого алого? – поинтересовался я, больше из желания скрасить дорогу беседой, чем действительно вытягивая из Делли очередные бытописания местных стран и народов.

Конечно, для нас, пришельцев, в этом странном мире все, что мы видели и о чем слышали, было в диковинку. Но все же лично моя нынешняя задача весьма отличалась от задач дедушки Миклухо-Маклая. А от раскрытия тайны похищения ее высочества я, увы, был так же далек, как и неделю тому назад. Однако, как ни выходи из себя, ни одного нового факта, фактика, хотя бы даже намек на фактик у следствия не было. Если, конечно, не считать за таковые утверждения Переплутня об изменении королевичем Элизеем своего маршрута. Само по себе странно, но вместе с тем было – не было, неизвестно. Он или другой – непонятно. Туда или в иное место – одному богу ведомо. Основывать расследование на столь шатком фундаменте – дело глупое.

– Алой эта земля величается вовсе не оттого, что огорожена от иных владений малинниками. И не потому, что окрест в лесах полно рябины, а по весне на полях буйным цветом полыхает мак. Прозвание такое пошло с тех самых пор, как на Грუსь зарились вороги лютые, аки волки голодные. То Орда откуда ни возмись нахлынет, то из Империи Майна, которая в те годы, правда, империей еще не была, злой недруг пожалует. Тут их всех встречали и лили кровь в жестокой сечи. С этого времени так оно и повелось: ближние к границе земли – Красный Пояс. Чуть далее, нормальной конской скоростью полтора дня пути, Грუსь Зеленая начинается. Прозвали ее так оттого, что куда ни кинешь взгляд, где только не приведись, везде тамошние земли засажены огурцами, луком и капустой. Ибо и в нашей стране эти дары земли

в большом почете, и в других концах света наши соленые огурчики и квашеная капуста едва ли не на вес золота. Со всего мира торговые гости едут. – Делли мечтательно причмокнула. – А уж Золотая, – фея даже зажмурила глаза от накотившего чувства, – от дворцов да теремов, храмов да колоколен свое прозвание имеет.

– А в кого веруют-то? – заинтересованно спросил славный витязь Вадим Ратников. – Тоже в Нычкино семейство?

– И в Нычку веруют, и в Сына вдовы, и в Изгнанника с Востока, и в одноглазого бога с копьем, и в Деву Светоносную, и в других каких... Хотя ежели послушать, то считается, будто бы более всего славят Солнечный лик, в восьмилучевом кресте воплощенный. – Фея усмехнулась. – А так, если ты приедешь и скажешь, что за тридевять земель очень сильный джапанский бог спасает от болезней, дарует богатство и хранит от черного глаза, то и в него истово верить будут, лишь бы ничего делать для этого не надо было. А уж если за свои деньги храм возведешь да бирюльки разные раздавать начнешь, тогда и вообще в святые подвижники запишут. Главное тут растолковать, что хотя люди и грешны, и грешить будут до последнего вздоха, но все это не беда, все это по-людски. И ежели загодя с богом договориться, все равно сладок кус на той стороне получишь.

Говорила она с жаром, пожалуй, даже с запальчивостью. Должно быть, тема местных верований чем-то болезненно затрагивала интересы нашей милой заказчицы.

– Клинь! – предупреждая шикнул Вадюня, не слушая ответ на свой вопрос. Он напряженно вглядывался в сторону гряды холмов. На гребне одного из самых высоких виднелась почти монументальная группа – два всадника, напряженно глядевшие явно в нашу сторону, и пустая лошадь рядом с ними.

– Витязи местные, – пояснила Делли, заметив по направлению наших взглядов предмет столь пристального внимания. – Границу стерегут.

– Что, опять?! – Вадим выразительно поглядел на меня. Очевидно, мысль о том, что в очередной раз предстоит встреча со стражами кордона, явно не грела моего соратника. – Может, проскочим от греха подальше? Прорвемся на скорости?

– К чему? – удивилась фея. – У нас ярлыки в полном порядке.

– То-то и оно, – покачал головой Вадим. – Не найдут за что с нас бабки снять – огорчатся. А дальше поди докажи, кто на кого напал. Ну что, топим газу?

– Эге-ге-гей, люди добрые! – разнесся над лесами и долами мощный глас, заглушивший дальний звон колоколов и заставивший сокрушенно замолкнуть коровье стадо. – Стойте где стоите! Ужо к вам спускаемся.

– Уходим, – прошептал знатный коневод-мздоимец.

– Не стоит, – остановила ретивого подурядника Делли. – Я их знаю. Все будет нормально.

– Разве что знаешь. – Ратников еще раз смерил взглядом богатырей в конических шлемах, начавших неспешный спуск в долину. – Но лично я бы притопил. На всякий случай.

Между тем всадники приближались, и то, что прежде скрадывалось перспективой, теперь начало вырисовываться в полный рост. Оба витязя были отнюдь не хрупкого телосложения, но один из них, вероятно, старший, с бородой лопатой, и вовсе казался роста неимоверного для человеческой породы. Стоит лишь сказать, что спутник его, не вышедший, как он, росточком, был, пожалуй, поболее Вадима и ввысь, да и в плечах пошире. Лопатобородый же возвышался над ним на полторы головы. Заслоняясь от лучей дневного светила, могучий богатырь держал руку козырьком под кромкой шлема, и шипастая булава, по виду отлитая из бронзы, свисала с его запястья столь же легко и непринужденно, как полосатый жезл с руки инспектора ГАИ.

– Ба! – вновь рывкнул отпрыск явно великаньего племени, действительно узнавая нашу спутницу. – Да никак то чаровница-кудесница Делли, дочь Иларьева, из монаршего приказа Волшебной Службы Охраны! – Он неспешно склонил голову в поклоне. – По здраву ли будете, матушка-чудесница? Легка ли вам дороженька? Давно нам свидеться не доводилось! А с вами-

то кто? – Он прищурил глаза, вглядываясь в наши лица, словно сию минуту припомнить, не встречались ли мы ранее.

– Знакомьтесь, – Делли приветливо улыбнулась, – и будьте друг другу верны. Сей неодолимый витязь Светозар Святогорович, по прозванию Буйтур. Рядом друг его и соратник Неждан Незванович, по прозванию же Ломонос. Весьма нарочитый муж, известный тем, что во всех концах Груси где бы какого витязя ни встретил, всякого зовет силой помериться.

– Это верно. – Неждан Незванович расплылся в улыбке, искоса поглядывая на Вадюню. – Как встречу, так непременно. – Он тряхнул копьем. – Негоже, чтобы нашему государю-надеже хлипаки всякие служили!

– А это, – продолжала Делли, – витязь Вадим Ратников, сын из града Кроменца Загорского, и одинец-следознавец Виктор Клинский.

После упоминания моего имени рядом с титулом и должностью одинца-следознавца меньшей витязь, кажется, потерял ко мне большую долю интереса и сосредоточил внимание на Вадиме.

– А вы чего, богатырская застава? – пожав руки обоим встреченным всадникам, поинтересовался Вадим.

– То-то же и оно, что застава, – вздохнул могучий детинушка Светозар Святогорович, и колечки его брони напряглись, чтобы не лопнуть на широченной груди силача. – Покуражились малехо в Торце Белокаменном, вот нас и заставили сюда переться, отслеживать, не идет ли Орда походом на мурлюкскую землю.

– Отчего же здесь? – удивилась Делли. – Ведь Орда-то, коли сыщется, совсем с иного рубежа появится. От этих мест, почитай, верст тыща, не меньше.

– Десятки тысяч, – согласился Буйтур. – Да только у государя-то свой резон. С одной стороны поглядеть, до мурлюкских земель тут поближе, чем отсель, а с другой – ежели, скажем, Орда в обход двинет, здесь мы ее и перейдем. Так что тут сурьезный подход, а не так чтобы абы что. А вот, кстати, вы, добры молодцы, по пути Орды не встречали?

– Нет, – честно сознался я. – Никаких следов. А должны были?

– Да откуда ж ей тут взяться?! Чай, не птица, чтоб по воздуху перелетать. А спросить я вас о том обязан. Тут вишь какое дело, мурлюкский главный майор шибко стережется, что Орда на него пойдет. Что ни день, в своих землях переметчиков и согладатаев ордынских изыскивает. Вот он и прислал государю нашему богатые дары, с тем чтобы батюшка повелел войску своему сторожить в порубежье, не крадется ли злой враг тайною тропой.

– И как чисто успехи? – любопытствовал Вадюня.

– Не крадется, – покачал головой Святогорыч. – А вот вершина Железного Тына в ясную погоду во-он с той горки малехо просматривается. В последнее время мурлюки его ажно за батыльские земли придвинули, того и гляди – Субурбанию перегородят. – Буйтур махнул рукой, то ли указывая в сторону пройденных нами земель, то ли попросту на Железный Тын, Орду и главного мурлюкского майора, вместе взятых. – Я вас о другом спросить хочу. – Он сдвинул шлем и поскреб огромной лапищей густую шевелюру русских кудрей. – Вы, часом, пока ехали, младшака нашего не видали?

– Это которого?

– Да Лазаря Раввиновича, – пробасил молчавший до того богатырь Неждан.

– Как-как? Рабинович? – полагая, что ослышался, переспросил Вадим.

– Какой еще Рабинович, – насупился и без того не слишком приветливый Ломонос. – Батя у него раввин, стало быть, Раввинович. Намедни в Торце Белокаменном вместе с нами чудил, вот его сюда в заставу и послали.

– Охренеть! – констатировал Ратников. – Батя – раввин! А что, здесь есть синагоги?

– А как же без них. А ты что, добрый молодец, имеешь что-то против? – Ломонос смирил собеседника недвусмысленно изучающим взглядом. – Так, может, того – отойдем, схлестнемся?

– Да чего там, я просто так, – пожал плечами Вадюня. – Интересуюсь для общего развития.

– Нет уж, – радуясь неизвестно чему, перебил его меньшей витязь. – Тебе побратим наш не по нраву. И на отца его ты небось хулу хотел возвести. Поехали-ка, пожалуй, схлестнемся!

Я умоляюще посмотрел на Делли, обещавшую спокойный проезд.

– Ну-тка, зацыкнись, Незваныч! – рыкнул на товарища великан Буйтур. – Не зришь, что ли, люди по государственному делу едут.

Ломонос смолк, по-прежнему хмуро глядя на Вадюню.

– Дык вот, – продолжил Светозар Святогорович, – младшака нашего поутру еще на ту сторону за медовухой в селище отправили, а его нет как нет.

– А на коне не быстрее было бы? – спросил я, кивая на пасшующую рядом кобылу с притороченной к луке седла бандурой.

– Ха! – криво усмехнулся Буйтур. – До селища доехать, знамо дело, проще. Да только в кружало-то верхом не въедешь, а коли лошаденку на улице оставить, то сопрут бесприменно. Оно и лошадь жалко, и за кружало разгромленное потом плати. – Он грустно вздохнул. – Вон, в столице уже покуролесили с горя, посад порушили, теперь вот на заставе, как чирьи пониже спины. Ни себе не любо, ни иным не потребно. Так это еще спасибо сказать надо, могли ведь и к Царству Вечных Льдов отправить, следить, не крадется ли оттуда тайный ворог.

– А чего горевали-то? – живо поинтересовался неумный Вадим, точно намереваясь утешать новых знакомцев.

– Так ведь как же, – неспешно выговорил благодушный исполин. – Как принцесса наша пропала, так всех жильцов¹, всю особливую стражу, всех, кто в тот вечер в карауле стоял, от двора взащей прогнали. Будто мы что поделать могли супротив чародейства! Тут уж, простите, вельможная Делли, дочь Иларьева, не особливой стражи работа, а Волшебной Службы Охраны.

– Ну да! – тут же выпалила наша спутница. – А дракон, значит, в счет не идет? С ним тоже должна была волшебная служба охраны биться?

– Нет, конечно, отчего ж так, негоже светлой фее с мечом на дракона идти. Это, знамо, наш удел. А вот завесу вокруг Торца Белокаменного не мы, а феи держать должны были.

– Стоп-стоп-стоп! – перебил я спорщиков, похоже, решивших сцепиться не на шутку. – Повремените ссориться. Светозар Святогорович, будьте любезны ответить – вы, выходит, стояли в оцеплении, когда исчезла принцесса?

– Было дело, – сокрушенно кивнул богатырь. – Я, и вот Неждан, и Лазарь, все самые наипервейшие, чином не ниже рьяного витязя.

– Угу, понятно. Если не возражаете, я с вами поговорю отдельно. Делли, а ты, получается, отвечала за магическую безопасность столицы?

– Не совсем так, – со вздохом потупилась фея, кажется, начиная краснеть. – Я несла ответственность за магическую безопасность того зала, из которого пропала Маша. За стены и купол отвечали другие феи.

– О-очень интересно. – Я потер переносицу, стараясь собраться с мыслью. – Насколько я понимаю, дракон не мог появиться над дворцом, не пройдя предварительно сквозь защитную линию.

– Именно так, – наклонил голову Буйтур.

– Верно, – подтвердила Делли.

– Но, насколько я опять же понимаю, дракон преспокойно этот рубеж преодолел, и ваша магия его не то что не убила, но даже не ранила? – Я включил соображаловку, пытаюсь просчитать варианты подобного казуса.

– Видишь ли, – вздохнула фея, – с очень давних времен уж так повелось, что волшебники, маги, а уж тем более феи не имеют права умерщвлять что бы то ни было живое. Такова была суть договора между чудотворцами и всеми остальными людьми и тварями. Среди волшебников и особенно магов порою встречаются те, кто пытается нарушить этот запрет, однако тот, кто рискнет пойти на этот шаг, непременно навлекает на свою голову отщепенство как со стороны одной половины договорившихся, так и со стороны другой. Залог почтения к нам – непреложный запрет на умерщвление живого. Преодолевая защитный рубеж, дракон должен был испытать непереносимую головную боль, тошноту и слезовыделение, а все племя лапокрылых ящеров весьма трепетно относится к своему здоровью, особенно к голове. Обычная мигрень для дракона опаснее, чем иное войско. Так что предположить, что кто-либо из этих тварей сунется сквозь купол... – Делли развела руками. – Мы такого даже представить не могли.

– Угу. – Я кивнул и еще раз повторил: – Угу.

Мне виделось как минимум три варианта, каждый из которых требовал дополнительной информации и уточнения ряда деталей. Вариант первый: среди волшебствующей братии внутри периметра у дракона был союзник, так сказать, отключивший на время один из защищенных магией секторов. Вариант второй: подобный союзник существовал вне стен Торца Белокаменного, и он снабдил похитителя, ну, скажем, волшебным амулетом, который дает возможность либо безболезненно пролетать сквозь завесу, либо делать в ней окно. Третий же вариант, и его тоже нельзя сбрасывать со счетов, – дракон был спрятан где-то в пределах столицы, скажем, в ночь перед празднеством, а потом он по команде взмыл ввысь и спикировал на дворец. Ну и последствия известны. Однако в любом из трех вариантов налицо был четко спланированный заговор, исключавший действия дракона, как говорится, в состоянии аффекта, и практически неременное наличие мощного союзника, вероятно, при королевском дворе. Ведь кто-то же должен был обезопасить защитные чары Делли. А она отнюдь не новичок в своем ремесле! Очень занятая ситуация.

– О! Вон Лазарь возвращается. – Неждан Незваныч ткнул пальцем в сторону дубравы. – Два жбана тащит. Чой-то его шатает... Как бы не пролил!

Я мельком взглянул в сторону третьего витязя. Он действительно шел странными зигзагами, умудряясь, однако, не расплескать драгоценного содержимого висевших на коромысле жбанов. Но сейчас медовуха меня интересовала менее всего.

– Светозар Святогорович, мы не могли бы поговорить без свидетелей? – произнес я, спрыгивая с коня на землю.

Буйтур с сомнением поглядел на Делли, мямля со странной в его устах робостью:

– Дык ведь все, что в тот день в хоромы королевских случилось, все ж в сугубом секрете. Даже палата церемониальная волшебной печатью опечатана. И то место, где дракон земли касался, забором огорожено. Вы же, Делли, дочь Иларьева, сами велели, чтоб цыц и ни гу-гу.

– Ему можно, – дозволяюще произнесла сановная работодательница. – На то он из дальних стран и призван, чтоб сыскать Машеньку.

– Как скажете, кудесница, – склонил голову неодолимый витязь, неспешно слезая с огромного сивого мерина, а впрочем, вероятно, жеребца той же расцветки. – Попрошайте, досточтимый господин одинец.

– Пожалуйста, попытайтесь припомнить в мельчайших подробностях все, что могло бы иметь касательство к событиям того дня.

– Ну, значит, че. – Светозар сдвинул шлем, пытаясь достать закрытый кольчужной бармицей затылок. – Это, значит, м-м... Стояли мы на страже в сенях при челобитном крыльце, откуда, стало быть, люди всякого звания должны были прийти – молодых поздравлять да одаривать. Служба там сурьезная, а не абы как! Мало ли какой гад ползучий али тать бессовестный пожелает в хоромы государевы пробраться, чтоб под шумок злодейство учинить. Дык вот, стоим. И того, следим, чтоб ни одна зараза мимо нас не прошмыгнула. А тут вдруг с улицы

ка-ак завопят: «Спасите-помогите, люди добрые! Дракон! Змей летучий! Пожар! Убивают!» Мы поначалу решили, что то – хитрость татева. Уловка, чтоб под шумок проскочить. И, как в укладе положено, враз из сеней в тычки всех выпихали и ворота на засов – хлоп! Токмо закончили, пот с чела утерли, как тут крик из палаты, где молодые должны были друг другу клятвы приносить. И то ж: «Дракон! Спасайте!» Ну, тут кто в залу побежал, кто запор из дверей долой – и во двор. Да только крыльцо-то людьми забито. Пока протолкались, пока прибежали, так только хвост того змея увидали.

– А вы? Где в этот момент были вы? – спросил я, понимая, что информация о форме драконьего хвоста, может, и будет являться хорошим подспорьем в расследовании, но не на этом этапе.

– Я-то? – Светозар Святогорович сгреб бороду в кулак. – Я на крик в палату побег. И побратимы мои со мной.

– О-очень хорошо, – кивнул я. – И что вы там увидели?

– Да что ж тут увидишь-то? – криво усмехнулся богатырь. – Свечи все дракон небось крылом потушил. Тьма, хоть глаз выколи! Барышни визжат, мужи вельможные орут, будто их лесной бодун на рог поднял. А еще мы с факелами прибёгли. Тык-мык. Где? Что? Кто? Да тут же на полу, точно дурни стоеросовые, и растянулись, чуть сами все не попалили.

– Отчего вдруг? – поспешил я задать вопрос, прикидывая, какая сила могла сбить с ног подобного детинушку.

– Дык ведь как дело-то было, – махнул рукой пострадавший, поднимая ветер. – Мы ж как вскочили с факелами да мечами – все наверх смотрели да на окна, где там дракон притаился? Оно-то зорницы, чай, не для того в стене делают, чтоб всякое чудище в них могло голову казать. Так вот мы, значит, на них глядеть, а на полу, стало быть, скатный жемчуг густо так накидан. На нем мы и оскользнулись. – Он еще раз тяжело вздохнул. – Ну а как свечи зажгли, тут оно и вскрылось, что исчезла Машенька, как то облачко в ясную погоду. Такие вот дела. – Могутный витязь опять начал теревить бороду, подобно обеспамятевшему старику Хоттабычу, помнящему, что что-то он с этими волосьями должен сделать, но бьющемуся в догадках, что именно.

– Понятно, – кивнул я. – Хотите еще что-нибудь добавить?

– Чего добавлять, почтеннейший одинец? Все, как есть, рассказал, – огорченно вздохнул Буйтур. – Кабы успели, непременно б отстояли принцессушку. А так вот теперь Орду, как дурни, караулим. За каким лешим ей сюда переться – ума не приложу!

С первичным опросом свидетеля было покончено. Конечно, хорошо было бы запротоколировать его показания, но на мое робкое предложение изложить все вышесказанное в письменной форме он лишь развел руками, словно демонстрируя длину местных осетров:

– Так оно ведь что, грамоте мы не обучены. К чему витязям грамота?

Попытка же записать показания свидетеля самолично и вовсе наткнулась на жесткий отпор.

– Вы того, батюшка, – сдвигая брови к переносице, недовольно пробасил богатырь, – вы эти значки один к другому не лепите. Я смысла в них не ведаю, а тут не ровен час, глядишь, какая напраслина сыщется. На кой оно ляд мне нужно? Значки-то, поди, дело колдовское.

Как я ни бился, все мои попытки убедить сурового нарочитого мужа в обратном не дали сколь-нибудь заметного результата.

– Не след! – насупившись, молвил могутный витязь.

Во время опроса свидетеля остальные участники «встречи» не теряли времени даром. Два жбана медовухи, раздобытые Лазарем Раввиновичем, мелели на глазах, точь-в-точь Аральское море. Не спасли положение и три бутылки перцовки, извлеченной Вадимом из недр рюкзачка. Младшак наших новых знакомцев оказался разбитным парнем с длинными черными локонами у висков и столь же длинными смоляными висячими усами. Найдя благодарную

аудиторию, удалец, положив ладони с длинными тонкими пальцами на крестовины двух мечей, висевших с обеих сторон у его пояса, всюду травил байки о лихой привольной жизни вдали от чопорного двора и о богатырских подвигах участников импровизированной пьянки. Однако в момент, когда я подходил к пирующим, сидевший ко мне спиной Неждан Незванович, за хмельною чарой напрочь позабывший слова старшего собрата о государевом деле, весьма чувствительно ткнул в бок Вадюню с неизменным за последний час предложением:

– Ну, чего, витязь, это, с дороги отдохнул? Пошли – схлестнемся!

– Ну, ты достал в натуре! – Вадим Ратников, и на трезвую голову не отличавшийся ангельским терпением, вспылал не на шутку. – Тебе что, в бубен прислать? Ты меня за фрейера держишь?

Уж не знаю, насколько речь моего соратника была понятна грозному Ломоносу, но, видимо, все задиры Вселенной владеют своеобразным тайным языком, понятным недругу недругу в любом конце света. Или, если быть точным, в любом конце миров. Тем более что если у Неждана Незвановича и оставались какие-то сомнения насчет смысла услышанного, ответный пинок, отвешенный Вадимом, был призван положить конец всем возможным крик-вотолкам.

– Ну дык пошли! – плотоядно улыбаясь, резво вскочил на ноги страж границы.

– Все ж таки решили схлестнуться? – подходя вплотную к забиякам, прогудел Святого-рыч. – Ну-ну, доля вас храни. Это, того, как драться будете? До смерти аль до первой крови?

– Да это уж как получится, – не мудрствуя, пожал плечами вопрошаемый.

– Уж зело крут ты, Нежданушка, ни к чему это. Мягче с людьми надо быть, учтивее. – Светозар положил левую руку на плечи Вадима, отчего тот слегка осел и пригнулся к земле. – Ты вот что, добрый молодец, послушай меня да на ус намотай. На копьях али на мечях с Нежданом биться – дело нешуточное. Он тут кого хошь с коня собьет да об колено поломает. А еще нагрудник у него из самой Тюрбании привезенный, его Богдемагнус для царя Салтана ковал. Эту стальничегошеньки пробить не может! Разве что на булавах с Незванычем можешь потягаться. Э-э, – он оглядел Вадюнино снаряжение, – да у тебя-то и палицы нет! Негоже так, витязь, негоже! Вот хошь – свою могу одолжить? – Он снял с запястья шипастую булаву, подкинул ее в воздух и поймал с непринужденностью, с какой ловят одноименный предмет высокохудожественные гимнастки. – Это у меня легкая, для пужания. Всего-то полтора пуда.

Вадюня мрачно посмотрел на заботливого доброхота. После такой рекомендации, пожалуй, у изрядной части поединщиков затряслись бы поджилки. Но Вадим Ратников был не робкого десятка, к тому же вряд ли он осознавал уровень защиты нагрудника работы Богдемагнуса, но зато очень явственно представлял возможности как синебокого Ниссана, так и немилосердного Мосберга.

Всадники разъехались, давая место своим скакунам для разгона и сокрушительного таранного удара.

– Ну что, витязи, вы готовы? – рявкнул Светозар Святогорович, взявший на себя обязанности судьи поединка.

– Вестимо! – отозвался Неждан.

– В натуре! – в лад ему вторил Вадим.

– Н-но! Пошли, родимые! – скомандовал Буйтур, и всадники помчались навстречу друг другу.

Впрочем, вернее было бы сказать, не спеша потащились. Поскольку, невзирая на бешеный галоп богатырского коня отчаянного Ломоноса, двигались они медленнее джапанского иноходца, а гуманный Вадим, сын Ратников, вопреки своим воззрениям, сейчас двигался со скоростью, не нарушающей установленный в черте города предел, то есть раза в три быстрее, чем его соперник. Кони вихрем неслись навстречу друг другу... Сшибка... Удар! Внимательное ухо могло определить, что грохот удара получился какой-то сдвоенный, но ссыльным витязь

зам было не до того. Их товарищ, потеряв стремя, взмахнув руками, замертво рухнул наземь, а перепуганный неожиданным грохотом у самого уха конь встал на дыбы и понесся по полю уже без всадника, оглашая воздух гневным ржанием.

– Лови его, Лазарь! Не дай уйти! – гаркнул исполин, устремляясь к поверженному другу. – Экий знатный удар, отродясь такого не видывал!

Еще бы! По моим прикидкам, если после выстрела картечью в упор любитель схлестываться почем зря остался жив и хотя бы отчасти невредим, ему бы следовало совершить смиренное паломничество в Тюрбанию и устилать там лепестками цветов каждый шаг неведомого мне Богдемагнуса или же его прямых потомков. Однако, не произнося этого вслух, я вслед за могучим хранителем традиций рванулся к поверженному телу. Впрочем, вмиг протрезвевшая Делли была уже возле распластанного по земле витязя, спеша оказать волшебными средствами первую помощь пострадавшему. К счастью, повреждения Вадюниного противника были не так фатальны, как предполагалось. Удовлетворенно кряхтя, он приподнялся на локте, затряс головой и попытался растереть грудь под мятым зеркалом.

– Ох и силен, чертяка! Ох и силе-ен! – Витязь скривился. Очевидно, каждое движение причиняло ему ощутимую боль. Немудрено! Невзирая на стальной нагрудник, кольчугу и стеганный войлочный подкольчужник, пару-тройку ребер выстрел с такого расстояния наверняка сломал. Однако рьяного витязя Неждана Незвановича такие мелочи, похоже, не интересовали. – Помогите мне подняться, други верные! – с пафосом изрек он, протягивая руки мне и Буйтуру. – Где там мой победитель?

Вадим Ратников стоял чуть в стороне, насупившись и словно говоря всем видом: «А че я, че я?! Он сам нарвался!»

– Ай да умелец, ай да могут! – с уважением промолвил Ломонос, делая неловкую попытку поклониться моему соратнику.

– Ну так я типа не хотел. – Вадюня развел руками.

– Коли одолел меня в честном бою, – не обращая внимания на неуклюжую попытку Вадима оправдаться, продолжил Неждан Незванович, – хошь – в полон бери, под выкуп, аль за службу, а хошь – будь мне братом названным.

– Да ты че, братан, я тебе че, немецко-фашистский оккупант, чтоб тебя в плен брать? Побазарили и разошлись, все пучком!

– Ну, коли братом меня зовешь, – обрадовался Ломонос, – и я тебя буду братом звать. Токмо имя тебе надо придумать громкое да знатное, чтоб по всему честному миру слышали. А то – Вадим. Что Вадим, какой Вадим?

– Пусть зовется Злой Бодун! – раскатисто пробасил Буйтур, опуская руку на плечо свежесобренного побратима. – Эк он тебя в грудину-то боднул!

И начались объятия, распитие очередного жбана медовухи, непременно «Ты меня уважаешь?», «Да я тобой просто горжусь!». И разговоры о деяниях и походах, которые я пытался превратить в опрос свидетелей, но с довольно малым успехом.

* * *

Уезжали мы поутру, в час, когда из табуна коней, представлявших нашему взору вечером, остались только наиболее яркие представители быстроногого племени. Утешив себя мыслью, что в любой момент смогу вызвать витязей для более тщательного допроса, я отпустил их дальше нести службу, предварительно взяв подписку о невыезде, которую они долго крутили в руках, пытаясь понять, в чем суть этой затеи. Потом, поверив словам нового побратима, смирились и поставили под распиской два отпечатка больших, весьма больших пальцев и аккуратную шестилучевую сквозную звездочку – личный значок Лазаря Раввиновича.

В пределах Гриси мы могли не сдерживать бойкий шаг коней и теперь мчались во весь опор, спеша наверстать упущенное. Немилосердно припекавшее светило заставляло то и дело задирать голову вверх, точно умоляя уменьшить пыл и выискивая, нет ли в небесной лазури хоть небольшой тучки или, скажем, облачка.

– Делли, – тоскливо глядя на фею, взвыл Вадим, утирая лицо краем плаща. – А нельзя чисто с погодой что-нибудь сделать? А то я в этом скафандре, пока до вашей столицы доеду, буду ну типа та снегурка после мартеновской печи.

– Погоди, – оборвала его жалобные излияния наша спутница. Она вперила взор чуть в сторону от солнца. – Меня во-он та птичка интересует.

– Да что в ней интересного? – муторно поглядев на объект наблюдения феи, спросил витязь по прозвищу Злой Бодун. – Голубь как голубь. Хочешь, – Ратников потянулся за своим, уже знаменитым копьем, – сейчас гриль из него забабахаем. На всех, конечно, маловато, но тут уж – конкретно чё есть...

– Погоди ты с едой! – рассердилась фея. – Эта птица летит вровень с нами с самого утра. Причем в том же направлении, прямехонько к столице. И мне почему-то очень кажется, что этот голубок почтовый.

Глава 7

Сказ о том, что написано пером

Мелкая белая птаха деловито махала крыльями, сокращая расстояние из неведомой нам точки А в неведомую точку Б. Мы, задрав головы, глядели на этот усердный комок перьев, сосредоточенно пытаюсь сообразить, является ли он заурядным рейсовым письмоноском, скажем, между Елдин-градом и Торцом Белокаменным, летит ли сия птичка божия по своим орнитологическим делам, или же это спецкурьер, имеющий непосредственное отношение к визиту иномирных гостей.

– Может, ее того, хлопнуть? – хищно вымеряя, какое упреждение дать Мосбергу, поинтересовался новоявленный витязь.

– Ни в коем случае, – не спуская глаз с голубя, покачал головой я. – Может, она сама по себе летит. Вдруг там любовное послание, терзание сердца молодого.

– А если она вражья? – хмуро пробасил Вадюня.

– Тогда уж тем более нельзя эту птичку трогать. Следует узнать, куда она направляется и, желательно, кто ее послал.

– Как же это в натуре узнаешь, – поигрывая копьём, хмыкнул мой верный соратник, – если она по небу рассекает?

– Очень просто, – вмешалась в нашу перепалку Делли, прикладывая пальцы к вискам и тщательно выцеливая взглядом своих васильково-голубых глаз подозрительную пичугу. – Только, ради бога, помолчите, не мешайте сосредоточиться.

Мы послушно притихли, лишь в траве шуршал запутавшийся ветер, да из брюха синего жеребца доносилось утробно-угрожающее: «Я убью тебя, лодочник!» Внезапно голубь, дотоле преспокойно хлопавший крыльями, застыл в воздухе, мучительно пытаюсь осуществить привычную с желторотых времен последовательность движений: взмах и... и... Если на клюве птицы могло отразиться недоумение, оно обязательно должно было там отразиться, поскольку как ни сился голубь опустить крылья, как ни тужься, они по-прежнему оставались в поднятом состоянии. Более того, сам того не желая, бедолажный начал экстренное снижение, причем, к переполнявшему его возмущению, – хвостом вперед.

– Ну вот, – облегченно произнесла Делли, когда посланец наконец очутился у нее в ладонях, – и не надо никакой пальбы.

В том, что пойманный феей голубь почтовый, больше не оставалось ни малейшего сомнения.

– Нехорошо, конечно, читать чужие письма, – вздохнул я, отвязывая от лап негодующей птицы туго скрученный клочок пергамента. – Но с другой стороны, в интересах следствия...

Я развернул записку: «Они направляются в столицу, – гласил текст послания. – Делли, с ней одинец-следознавец и могучий витязь. У витязя синий конь, вероятно, мурлюкской породы». «Мурлюкская порода» была тщательно подчеркнута, должно быть, сей знаменательный факт означал что-то весьма важное. Больше в записке не было ничего. Как ни крутил я ее, пытаюсь найти какую-то тайную метку, как ни просвечивала наш трофей могущественная фея, тщась отыскать под маской очевидного тайные письмена, все впустую.

– Ты ба! – присвистнул Вадим, принимая из моих рук исписанный клочок выделанной кожи. – Кто-то тут нами круто интересуется. Я вот чисто думаю, как бы нам на засаду не нарваться. Может, кругом пойдем? Клинь, в натуре это «ж-ж» неспроста!

– Погоди, – отмахнулся я. – Дай прикинуть что к чему.

В одном Вадим был, несомненно, прав. Нас действительно кто-то поджидал. Кто и с какой целью – неясно, но сам по себе факт не вызывал сомнений.

– Делли, – задумчиво обратился я к нашей клиентке, – ты кому-нибудь в столице говорила о нашем скором прибытии?

– Вестимо, – кивнула фея. – Королю-батюшке. Иначе как бы он ярлык проездной велел на вас выписать? А более никому.

– Угу, понятно. Стало быть, и писцы, которые нашу подорожную оформляли, тоже в курсе.

– Нет, – отрицательно покачала головой наша спутница. – В ярлыке прописано, что пооберуч меня следуют два нарочитых мужа, дабы мне одной в дороге не сторожко было и в путевом кружале среди иных не срамно.

– Это чё, чтоб в кабаке мужики не приставали? – мучительно напрягшись, перевел Ратников.

– Ну да, – кивнула кудесница. – Непристойно даме путешествовать в одиночку.

Я искренне посочувствовал экстремалам, которым пришла бы в голову мысль неучтиво обойтись с могущественной дочерью неведомого мне Илария, но сейчас речь шла о другом. Кто-то в столице весьма настоятельно интересовался нашими передвижениями и столь же неизвестный кто-то от самой границы посылал ему сводку со свежедобытой информацией о следственной группе. Кто и почему? Я сразу отбрасывал из числа возможных подозреваемых знакомых нам витязей. Их презрение к книгочейству и грамоте было искренним и неподдельным. И хотя краткий текст записки также пестрел орфографическими ошибками, в сравнении с письменами Лазаря, самого образованного из троицы, мучительно пытавшегося вывести под распиской свое имя, попавшая в наши руки депеша была просто шедевром грусской письменности...

Но, как ни крути, она была! Я в задумчивости потер переносицу. С одной стороны, мне очень хотелось знать, из-под чьего пера вышло перехваченное экстренное сообщение. И в других условиях нам бы, пожалуй, следовало вернуться и со всей возможной тщательностью прояснить этот вопрос, но, с другой стороны, у нас в руках имелась ниточка пускай и очень тоненькая, но все же, возможно, ведущая к разгадке тайны. Ведь наверняка не сам король повелел столь экзотичным образом сообщить ему о нашем приближении. И уж конечно, не в утренний выпуск газет предназначались известия голубиной почты. А стало быть... А стало быть, голубя надо выпустить и проследить, куда летит целеустремленная птица.

– Делли, – переводя взгляд с воркующего в руках феи символа мира на опустевшее небо, произнес я, – сколько примерно отсюда до столицы?

– Пожалуй, верст сто, не больше.

– Угу, понятно. Скажи, мы сможем эти сто верст держаться аккуратно за птицей?

– Отчего нет? – пожала плечами фея. – Конечно, сможем.

– Вот и славно. – Я растянул губы в ухмылку охотника, почуявшего дичь. – Стало быть, сейчас вернем пергамент на прежнее место, и вперед за белой птицей, как аргонавты между скал.

Спустя минуту Делли подбросила крылатого почтаря в воздух, а Вадюня, засунув два пальца в рот, оглушительно свистнул, точно, кроме звания субурбанского мздоимца, планировал еще обзавестись патентом на должность местного соловья-разбойника.

– Вперед! – скомандовал я. – Делли, ты уж подстрахуй птичку, чтобы с ней, не дай бог, в полете ничего не случилось.

Мои подозрения были небезосновательны. Как и предполагалось, крылатый вестник мчал прямехонько к столице, презрительно игнорируя остальные встреченные на пути населенные пункты и укромные местечки. Вот наконец высокие стены Торца Белокаменного замаячили далеко впереди, вздымаясь над бескрайними полями золотой пшеницы и ржи. Над стенами в облачной дымке высились золотые купола храмов и колоколен, также всюду расто-

чавших вокруг дармовой золотой блеск. Казалось, еще несколько минут и мы наконец-то доберемся до столицы, откуда, собственно говоря, и предполагалось начать расследование.

– Все, блин! Гаплык! – Конь славного витязя Вадима, сына Ратникова, застыл как вкопанный, едва успев поставить ноги в предусмотренное при остановке положение. – Кранты, ядрена корень. Бобик сдох.

Делли вновь принялась гипнотизировать оторвавшегося было от преследования голубя, боясь упустить его из виду, я же удивленно уставился на собрата по оружию.

– Вадим, что случилось?

– Что-что! – Вадюня с негодованием хлопнул Ниссана между ушами. – Статуй из моего скакуна сделался, вот что!

– Колдовство? – насторожился я.

– Какое, к бениной бабушке, колдовство?! Клинь, ты здесь совсем офигел. Бензин кончился!

– Это поправимо, – процедила фея, не спуская глаз с птицы.

– Что поправимо? Что поправимо?! – не унимался Злой Бодун, не ведая, на кого излить чашу бессильного гнева.

– Твоего коня следует напоить соком из минеральных дров, – по-прежнему не устаивая взглядом психующую ударную силу, без тени сомнения промолвила Делли.

– Что за фуфло, Делли?! Какие дрова? Какой сок? – не унимался разошедшийся во всю прыть витязь.

– Дрова – минеральные, а про сок – это особая история. – Она взмахнула рукой, вновь притягивая к себе птицу, и, усадив ее на ладонь, заговорила поспешно: – Все очень просто. Далеко на востоке Груси, за Орел-камнем, растут огромные древние деревья. Впрочем, они уже давным-давно и не растут, а просто так, стоят себе, не умирают, поскольку в своем роде окаменели. Но это только сверху. Древесина же этих деревьев точь-в-точь как губка, а корни уходят так глубоко, что из самых сокровенных недр земных живительную силу высасывают. В результате и получается этот самый сок, который, ежели знать, как применять, много чего может. И тебе стекло такое, что хоть руку отбей – не разобьешь, и специальные ящики, чтоб в янтарной сети сила не переводилась. И твоего коня этот сок враз оживит. Мурлюки всегда так делают.

– Ладно, поверим на слово, – с тяжелым вздохом отозвался на ее слова Вадим. – Ну и где эти чертовы дрова?

– Как это – где? – Делли расплылась в улыбке. – Да Грусь же, почитай, со всем миром этими дровами торгует. Дровами и соком из них. Особенно, конечно, мурлюки берут, но с тех пор как минеральные лампы пришли на смену лучине царя Гороха...

– Делли, да мне по барабану, кто у вас что берет и кто откуда пришел, – недовольно прервал ее Ратников, очень легко терявший терпение, когда речь шла о той или иной неисправности в машине. – Где?

– Где-где, в столице, конечно, – несколько обиженно отозвалась кудесница, не привыкшая, чтобы ее рассказы прерывали на полуслове, да еще столь непочтительным образом. – Ты здесь постой, чуток охолонься. А я из столицы велю тебе бочку минерального сока прикатить.

Ратников вопросительно посмотрел на меня, спрашивая разрешения остаться: долг и любопытство боролись в нем с категорическим нежеланием оставлять красавца скакуна без присмотра. И хотя вряд ли кому-нибудь могла прийти в голову мысль утащить на себе преображенный внедорожник, но мало ли энтузиастов найдется! Того и гляди, глазки светящиеся выколушают, а то и копыта на резиновых подковах отвернут.

– Клинь, ну ты же там сам это, того, ну это, разберешься? – запинаясь, проговорил он, окончательно делая выбор.

– Не волнуйся, – обнадежил я боевого товарища. – Все будет нормально.

- Ну тогда я это, здесь постою. Пока.
- Да все путем, ты не переживай. – Я тронул шпорами бока Феррари.
- Только ж вы там без меня ничего такого, – Вадим покрутил в воздухе рукой, – не начинайте.
- Хорошо, – кивнул я, пуская коня в стремительный галоп.
- Побожись! – вслед нам прокричал Ратников, но ответные слова вряд ли донеслись до него.

Столица встречала нас торговым гулом, великим множеством стражи и разноцветьем бесчисленных вывесок, прозрачно намекавших, что все самое лучшее продается исключительно по указанному стрелкой адресу. Чтобы не потерять из виду заветную птичку, фее пришлось достать из седельной сумы небольшого лупоглазого мурлюкского совенка с непривычно синими очами и посадить его между ушами жеребца, чтобы расчистить нам дорогу уханьем и миганием. Горожане, увидев коня с опознавательным знаком Волшебной Службы Охраны, шарахались в стороны и жались к обочине, чтобы не попасть под горячее копыто.

– Куда же он летит? – чуть слышно прошептала Делли, хватая меня за плечи и пытаясь приподняться в седле, чтобы лучше следить за полетом голубя. – Неужели ко дворцу?

Однако, не обращая внимания на вызолоченные крыши королевских хором, почтарь забрал круто вправо, заставляя нас свернуть с наезженных торговых улиц в глухоманные проулки. Покружив немного, он начал снижаться над обширным садом, кроны которого маячили за высокой каменной оградой с множеством сторожевых башенок, в последнее время выполнявших декоративную роль, но вполне еще помнящих свое истинное предназначение. В глубине сада виднелся дом, вернее, даже не дом, а небольшой замок, выстроенный в стиле, резко контрастирующем с местной архитектурой. Именно к этому дому-замку и устремился восточный голубь.

– Что это за здание? – спросил я у феи, направляя Феррари к каменной оградке.

– Бывшая резиденция графа Инненталья, посланника одной из стран, вошедших ныне в Империю Майна, – от возбуждения переходя на шепот, проговорила фея. – Лет тридцать назад граф, уезжая, продал свое владение одному бойкому субурбанцу. А тот открыл здесь гостиницу. Так она и называется «Граф Инненталь».

Вороной скакун остановился у самой стены, и я, прикинув расстояние от конского крупы до верха ограды, кляня на чем свет стоит злую судьбу и строителей, возводящих такие высокие заборы, начал подниматься на седло. Протянутые вверх руки нащупали край стены. Я попытался подтянуться и попросту взлетел, едва удержавшись на оградке, чтоб не рухнуть на землю с противоположной стороны.

– Так лучше? – глядя, как я балансирую на выщербленной каменной кладке, просто-душно спросила Делли.

– Несомненно, – заверил я.

– Голубь виден?

– Да. Вьется около ближней башни.

– Это хорошо, – глубокомысленно заметила Делли. – Значит, он уже достиг цели.

– Почти достиг, – поправил я. – Сейчас спущусь, попытаюсь подойти поближе, рассмотреть, так сказать, адресата.

Я кинул взгляд направо, налево, высматривая, по какой из стрельниц удобнее спускаться.

– Вот и славно, – напутствовала меня Делли. – А я тогда съезжу распоряжусь насчет минерального сока для Ниссана.

Последние слова феи были заглушены стуком копыт. Я тщательно присмотрелся, высматривая удобный маршрут для спуска, и враскорячку, цепляясь пальцами за щели в каменной кладке, начал движение вниз. Конечно, можно было попросту сигануть со стены в сад, но перспектива что-нибудь сломать меня отчего-то не грела. Наконец твердая почва оказалась у меня

под ногами, и я, найдя взглядом объект слежки, крадучись начал пробираться в высокой некошенной траве к башне, около которой все еще кружил голубь. Быть может, мне показалось, что из-за стрельчатого окошка на третьем этаже донеслось знакомое с детства «гули-гули-гули», а может, и нет. Но, прекратив кружение, белокрылый гонец устремился вниз именно к нему. Судя по тому, что и все остальные окна в доме были открыты из-за летней жары, он явно знал, куда лететь. Я оглянулся, примериваясь, нет ли где поблизости дерева, с которого открывался бы достойный вид на «конечную почтовую станцию». Однако, увы, этот день не сулил благополучного исхода начинаний ни моих, ни голубя. Да, подходящее дерево нашлось без труда, но в тот момент, когда я уже подкрадывался к стволу, что-то темное с клекотом рухнуло сверху, хватая невезучего голубка и разметывая во все стороны легкие белые перья.

– Проклятие! – выругался я. – Сокол! Только этого не хватало!

Между тем небесный охотник взмыл ввысь, сжимая в когтях законную добычу, игнорируя мои попытки разглядеть наличие бубенчика на лапке, отличающее благородную охотничью птицу от тривиального воздушного пирата. Если где-то существует голубиная книга судеб, то наверняка этот день был фатальным для несчастной пичуги. Стоило Делли снять магическую защиту, как несчастный стал поживой кривоклювого бандита.

– Ладно, – процедил я, смиряясь с невозвратимой потерей, – ничего не попишешь. Попробуем уточнить, к кому это наша птичка направлялась.

Я сделал шаг в сторону, намереваясь обойти отель и... Пожалуй, мне стоило благословить безвременно почившую пташку, своею гибелью избавившую меня от необходимости лезть на дерево, росшее неподалеку от таинственной башни. Едва лишь я повернулся к нему спиной, как сверху послышался хлопок, какой бывает при открытии автоматического зонта, и спустя миг на землю предо мной спланировало нечто, вернее, некто, вернее, хрен его знает кто, абсолютно мерзкого вида.

Вряд ли бы нашелся поэт, способный описать представшее моему взору страшилище, особенно глядя ему в глаза. Но попробуйте вообразить себе тварь с мордой землистого, серо-зеленого цвета, нечто среднее между жабьей и человечьей, лупоглазое, рогатое, на двух коротких, должно быть, очень сильных ногах с длиннющими когтями, с кожистыми крыльями-дельтапланом на верхних лапах и мощным хвостом, напоминающим гарпун... Вот что-то в этом роде, только еще более гадостное. И хотя существо было ростом едва лишь с крупную собаку, связываться с ним не хотелось аж ну никак.

Тварюка оглушительно заверещала и, расправляя, должно быть, для острастки, крылья, вразвалочку направилась ко мне, щелкая зубами широченного, от уха до уха, рта и тарахтя по земле тяжелым шипастым хвостом. Честно сказать, не знаю, как следует обращаться с подобными ошибками эволюции, но лично я бросился наутек. Возможно, это была не самая удачная мысль, однако времени на обдумывание не было. Это самое «некто», судя по напряженным нижним конечностям, явно готовилось прыгнуть на возможную жертву. Новый хлопок, точь-в-точь повторяющий первый, – и зубастый реликт, пронесясь чуть в стороне, рухнул в нескольких шагах от меня, возобновляя атакующий танец. Я бросился в сторону, моля неизвестно кого добавить силы ногам, а еще лучше приделать к плечам крылья, чтобы дать возможность сигануть через чертов пятиметровый забор, рано или поздно грозивший стать у меня на пути непреодолимой преградой. Существо вновь прыгнуло, отрезая мне путь, я снова отпрянул, неумолимо сознавая, что еще один-два таких прыжка, и быть мне прижатым к каменной ограде, будто приговоренному к расстрелу. Мы снова остановились, вглядываясь друг другу в глаза. Два холодных светлых блина с черными точками зрачков смотрели на меня не мигая с тем равнодушием, с каким изучает меню любитель ростбифов в вегетарианском ресторане.

Я попытался было изменить направление, чтобы, обойдя хищника, опрометью устремиться к спасительному замку, но, предугадав мое движение, тварь, клекоча, прыгнула, вновь преграждая путь и тесня к стене. Я скосил глаза, ища убежища. Справа щербатая каменная

стена, кое-где поросшая вьюнком, в гуще которого смогла бы укрыться разве что бабочка, слева... Слева, шагах в пятнадцать, темнел провал входа в стрельницу, одну из многочисленных башенок, превращавших ограду сада в подобие крепостной стены.

Насколько я помню, такие сооружения в нашей Кроменецкой крепости строились по типу домика улитки, чтобы дать возможность защитникам удерживать боевой пост при нападении изнутри. Глядевшая во двор бойница подтверждала мои предположения. Вход в стрельницу был довольно узок. Часть пути между двумя стенами всякий желающий войти должен был проделать, передвигаясь боком. Но на что не пойдешь ради повышения обороноспособности, а уж ради спасения собственной шкуры и подавно. Там, где я вынужден был бы продираться в столь неудобной позе, у моего широкоплечего преследователя не было ни малейших шансов. И слава богу, короткая шея не позволяла ему просунуть голову за угол. Правда, у данного спасительного убежища был один минус: стоило плотоядному прыгуну остаться в засаде у выхода, и из свежей дичи я превращался в тривиальную консерву с довольно коротким сроком хранения. Но, черт возьми, должны же были в конце концов Делли и Вадим заинтересоваться загадочным исчезновением боевого товарища! Хотя с Делли станется броситься в очередную Тмутаракань нанимать очередного сыщика, чтобы найти свою дорогую воспитанницу и своего без вести канувшего предшественника. Но в любом случае иных вариантов спасения не наблюдалось.

Жуткая нечисть, урча и скаля клыки, медленно приближалась, всем видом недвусмысленно требуя последнего броска к стене, превращавшего быстроногую дичь в удобную мишень. Ну, это уж дудки! Чтобы выиграть время и расстояние, я расправил руки, словно крылья, пошире растопырил пальцы и, лихорадочно размахивая ладонями, заорал, завыл, заухал, шаг за шагом отступая по направлению к стрельнице, пригибаясь и пружиня в коленях, точно набирая разбег для прыжка.

Вероятно, это был правильный ход. Гарпунохвостый урод озадаченно смолк и наклонил рогающую голову в сторону, видимо, соображая, съедобна ли взбесившаяся добыча. Это было как раз то, что доктор прописал. Сбив с толку преследователя, я рванул туда, куда старательно прижимала меня злобная тварь, заставляя ее выйти из ступора и немедленно, без прицеливания атаковать. Прыжок! За спиной послышался звук натягивающейся мембраны крыльев, и я, резко сменив траекторию движения, свернул к стрельнице. Сбоку раздался скрежет когтей по камню. Там, где чудовище рассчитывало застичь уходящий обед, по-прежнему находились заросли ни в чем не повинного вьюнка. В несколько гигантских прыжков я достиг заветного входа в стрельницу и, втиснувшись внутрь, обессиленно рухнул на пол, стараясь унять нервную дрожь.

Снаружи донесся омерзительный вопль разочарования, и вслед за этим шелканье остро-зубых челюстей – так близко, что вполне явственно ощущалось смрадное дыхание монстра. Я отодвинулся как можно глубже внутрь башенки и огляделся, инстинктивно ища хоть какое-то средство защиты. В помещении царил полумрак, сквозь узкие щели бойниц и чуть более широкую входа внутрь пробивался скупой дневной свет. Изрядно проржавевшие кольца, в которые некогда вставляли факелы, недвусмысленно говорили о том, что в последние годы, а может, и десятки лет, никто не пользовался ставшим бесполезным укреплением. Я вновь попытался и уперся спиной в нечто длинное и твердое. «О черт!» – вскрикнул я, резко вскакивая, поворачиваясь и едва успевая уклониться от падающей вязанки дротиков, скрепленных нынче уже сгнившей веревкой. «Ну, вот и оружие!» – злорадно оскалился я, мысленно благодаря рачительного коменданта графского замка за высокую боеготовность вверенного объекта. Теперь-то мы поиграем! Как я уже упоминал, одна из бойниц выходила во двор, расширяясь наружу для создания лучшего сектора обстрела. Сквозь эту узкую щель мне открывался прекрасный вид на злобствующего когтистого уродца, обиженно пытающегося проскрести дыру в гранитной кладке.

– Получи, фашист, гранату! – что есть силы завопил я, с остервенением тыкая в животину полутораметровым дротиком. Пожалуй, прицелься я чуть лучше, не пори горячку, мое оружие могло войти в толстую шкуру гадины. Ржавчина, покрывавшая наконечник, в конце концов довершила бы дело. Но рука моя дрогнула, и дротик, скользнув по зубчатому гребню, шедшему вдоль спины, ушел в сторону, не причинив злокозненной твари ни малейшего вреда. Возмущенная атакой, она отскочила в сторону и, увидев оружие, вновь заносимое для удара, ринулась прямо на него, распахивая пасть.

Щелчок! И в моей руке лишь обломок древка величиной с шумовку. «Дьявольщина!» – Я отбросил прочь обломок, хватаясь за следующий дротик. «Ну-ка!» – Я попробовал его на прочность и вновь опустошенно сел на пол. Оружие, минуту назад казавшееся таким спасительным, на поверку было абсолютно бесполезным. Стройные древки ломались, как спички, не оставляя ни малейшей надежды на счастливый исход. Мои дальнейшие атаки были бессмысленны. Приходилось уповать лишь на помощь друзей.

Не могу точно сказать, сколько продлилась эта странная осада. Я сидел, прикрыв глаза, прижавшись спиной к прохладной стене, за которой урчала, рычала и обиженно подвывала голодная тварюка, и флегматично прикидывал, как долго это исчадие ада может охотиться на столь неудобную добычу и не пора ли ей поискать жертву подступнее. Однако, не желая прислушиваться к логическим доводам, неведомая зверушка продолжала царапать когтями камень и пытаться всунуть морду внутрь стрельницы. Не знаю, надолго ли ее еще хватило бы, но тут откуда-то из глубины сада послышался до боли знакомый голос:

– Эй, Клин! Ты где? Ау! Кли-ин!

Примерно так зовут хозяева потерявшуюся собаку. Не хватало еще услышать: «Клин, к ноге!» Впрочем, при всем желании я бы не смог выполнить эту команду. А вот хищная морда, лязгавшая зубами у входа в башенку, вполне могла, и не просто могла... Позабыв обо мне, она развернулась на месте и, резким хлопком разведя кожистые крылья, прыгнула в сторону, откуда доносился крик. Я прильнул к бойнице, выходявшей во двор, пытаюсь разглядеть продолжение «банкета». Что и говорить, Вадим Ратников, насколько я его знал, является десертом, вызывающим у едоков острое несварение желудка, как правило, еще до приема внутрь. Звук, раздавшийся несколько секунд спустя, вряд ли когда-нибудь слышали в стенах Торца Белокаменного, но уж я-то его знал прекрасно. Раскатисто громыхнул грозный Мосберг, потом еще раз, и я, подобно сказочной принцессе, возвращающейся из плена злого волшебника, выскочил из «темницы» на белый свет, казавшийся в первые секунды ослепительно, умопомрачительно белым и дорогим.

– Кли-ин! – Вадюня, стоявший чуть поодаль над поверженной тварью, радостно помахал в воздухе копьём, приветствуя нашедшегося собрата. – Ты посмотри, какую я каклю завалил!

– Я ее уже видел, – недобро глядя на распластанное чудовище, процедил я, отчего-то с трудом двигая челюстью. – Мы близко познакомились.

– Ух ты! – невесть чему обрадовался славный витязь. – Слушай, ты тут тогда это, пока покарауль тушу, чтобы никто не спер, а я за фотоаппаратом сбегая. Сфоткаешь меня на память с этим чертом? Братанам покажу – закачаются!

Идее Вадима сфотографироваться с законной добычей не суждено было сбыться, во всяком случае, прямо сейчас. Привлеченная громом выстрелов к месту охоты, мчалась небольшая, но весьма живописная группа. Впереди всех, едва касаясь земли, а возможно, и не касаясь ее вовсе – поди разбери в высокой траве, – летела Делли, побледневшая от волнения и, судя по всему, готовая разнести здесь все до последнего кирпичика. За ней торопились, но и близко не поспевали три стражника с алебардами. Замыкал процессию долгоусый пузан с вышивкой на рубахе в виде символа веры бога Нычки.

– Все живы? Все нормально? – ощупывая нас, точно не веря собственным глазам, торопливо выпалила фея, едва добежав.

– Ой, да что же это делается, люди добрые! – Субурбанец горестно наклонился над поверженной тварью и запричитал, точно по безвременно погибшему другу. – Убили мою горгуленьку, горгулюшку мою убили-и! Лиходеи, смертоубийцы-ы! И кто ж мне теперь все это оплатит?

Услышав эти вопли, городские стражники попытались было взять нас в кольцо, к немалому удивлению и возмущению грозного богатыря Вадима по прозванию Злой Бодун.

– Разберемся, – отрезала Делли, демонстрируя ярлык с золотой печатью, свидетельствующий о высоком положении нашей спутницы в Волшебной Службе Охраны.

– А-а! – почтительно поклонился плакальщик. – В этом смысле... Ну, ежели оно так, оно конечно. Потому как шо ж? А вот только за горгулью-то кто мне заплатит? Тварь, поди, редкая. Из Империи Майна еще прежним хозяином привезенная. Да их и там уже не часто встретишь...

– Видите ли... – начал я.

– А она того, ордынский шпион, – не давая мне закончить фразу, ни с того ни с сего выдал Ратников и, уловив растерянность на лице хозяина поверженной «горгуленьки», усилил нажим, развивая успех: – Может, и вы с нею чисто заодно? А ну-ка, пройдем в помещение, поговорим.

– Что вы! Что вы, – начал отмахиваться толстяк. – Я ни сном ни духом! Нычкой клянусь, ни о чем таком не ведал! Какая гадина! Прокралась, можно сказать! Пригелася на груди, змеюка подколотная. Можно я, добренькие господа, за чучельником пошлю? Ну, вы сами понимаете, не пропадать же добру. У-у, морда шпиёнская!

– Пошли-пошли, – не сбавляя тона, гаркнул Злой Бодун.

– Так я пошлю?

– В дом пошли! И чтоб все как на духу, а не то тебе самому чучельник понадобится.

– Да-да, – поддакнула фея, с нескрываемым интересом наблюдая работу оперативной группы.

– Ну зачем вы так, Вадим, – включаясь в до боли знакомую игру «злой и добрый следователь», начал я. – Гражданин и не думает запираяться. Гражданин и так нам все расскажет. Чистосердечное признание и глубокое осознание вины смягчит неминуемую кару. Вы ведь и сами понимаете, нам все известно. – Я повернулся к уже ни живому ни мертвому от страха субурбанцу. – Так что запираяться смысла не имеет. Конвой, проводите, пожалуйста, подследственного в дом. И проверьте на предмет колющего-режущего... Ну, сами понимаете.

Стража, впечатленная ярлыком Делли, безропотно повиновалась, не задаваясь вопросом, на каком, собственно говоря, основании мы здесь раскомандовались. Обысканный субурбанец засеменил к дому, а мы наконец получили возможность спокойно поведать друг другу о своих приключениях, начиная с того момента, как судьбе было угодно разлучить нас.

Однако застаиваться у места убиения злосчастной горгульи времени не было, да к тому же ее безутешный хозяин сейчас, должно быть, дожидался допроса, лихорадочно перебирая в уме список своих провинностей за последние годы. Мы брели по саду, и я, закончив рассказ о тяжелой участи голубка, похищенного буквально у меня из-под носа, и дальнейшем беге наперегонки с Вадюниным трофеем, теперь с удовольствием внимал жизнерадостному трепу боевого товарища. Впрочем, не слишком вслушиваясь в его слова.

– ...Ну, значит, подъезжаем. У ворот табличка с этой мордой: «Осторожно, окрестности отеля охраняются злой горгульей». Я типа в непонятке. Что за хрень такая? Спасибо, Делли раскумекала. Ладно. Стучу, открывает какой-то рыжик. Я его чисто спрашиваю: «Брателла, не появлялся тут такой-то такой-то?» Он головой вертит. «Нет. Ни фиги не видел». Тут меня в натуре конкретно проняло. Я чисто прозрел. У тебя ж с собой ни ствола, ни пики. Буквально голый, а тут такая срань с зубами! Я типа кидаю Делли, чтоб догоняла, ну и ломлюсь сюда, а тут она! Хлобысь! Ну, ни хрена. Картечь, она и в Африке – картечь...

Мы остановились перед роскошной резной дверью, ведущей в бывшие графские апартаменты. Я ухватился за бронзовое кольцо, торчавшее из драконьей пасти весьма тонкой работы, и собрался уж было потянуть ручку на себя, когда отважный витязь Вадюня робко положил мне руку на плечо:

– Клин, может, погодим сейчас этого терпилу допрашивать? Сфоткай меня рядом с горгульей, пожалуйста. На всю жизнь ведь память!

Глава 8

Сказ о том, что свято место пусто не бывает

Обстановка холла гостиницы явственно свидетельствовала о временах шумных пиров и посольских приемов. Вызолоченная деревянная стойка, с неизменным флажком Субурбании, наверняка была пристроена позднее и выглядела аляповатой заплатой на горностаевой мантии. Хозяин отеля, теребя обвисший ус, понуро сидел на резном стуле за стойкой под бдительным присмотром стражников, все остальное время, вероятно, следивших за порядком в его владениях.

– Ну что, влип, таракан усатый? – посверкивая на бедолагу деланно гневным взором, пробасил Ратников, размахивая перед носом жертвы полароидным снимком с дохлой горгульей. – Всё-о к делу подошьем!

– Погодите, Вадим. По-моему, вы чересчур горячитесь. Хозяин производит впечатление порядочного человека, – продолжая игру, вмешался я.

– Порядочного мошенника! – хмыкнул «злой следователь».

Во время сеанса фотографии мы с Вадимом и Делли четко распределили роли. И пусть допрос без вины виноватого субурбанца к нашим поискам имел весьма условное отношение, но уж будь добр, впрягшись в ярмо матерых контрразведчиков, блюсти если не закон, так хоть канон.

– Надеюсь, у вас есть комната, в которой мы могли бы поговорить без посторонних глаз и ушей, – приятельски улыбаясь, поинтересовался я у содержателя отеля.

– Да, конечно. – Хозяин порывисто вскочил, делая приглашающий жест.

– И чтоб без глупостей! – для острастки рыкнул витязь.

Впрочем, предупреждение было излишним. Насколько мой опыт позволял судить о людях, оказавшихся в подобной ситуации, представители этой категории подследственных быстро скисали и начинали фонтанировать информацией без какого-либо серьезного нажима.

– Пройдемте ко мне. – Он шагнул вперед.

Стражники было направились за ним, но, остановленные моим окриком, замерли. И наша троица проследовала за хозяином в его «кабинет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.